ЗАХВАТИТЬ НОРВЕГУ!

СОЛДАТ УДАЧИ

№ 9 (132) сентябрь 2005



«ШАБАШКА» ДЛЯ «КОНТРАБАСА»

ПЕРВЫЙ КОМАНДИР ГРУППЫ «А»

Мясо для войны

СОЛДАТ УДАЧИ

ЖУРНАЛ ДЛЯ СИЛЬНЫХ И ЖЕСТКИХ МУЖЧИН

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ

Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ

Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ

Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ

Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ

Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА

Отдел распространения Олег УТИКЕЕВ, Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(095) 958-1699,
(095) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
http://www.soldatudachi.ru
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
ООО «Солдат удачи» (Россия)

Подписано в печать 24. 08. 05

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ, свидетельство ПИ № 77 - 5801 от 20. 11. 2000

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати
26319 по Объединенному каталогу
(адресная подписка)

Верстка Романишкина Мария

Отпечатано в типографии
ИПП «Кострома»
Заказ №3547р
Тираж 42 тыс. экз. 1-й завод - 21 тыс.

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с мнением авторов

К сведению авторов!
Редакция не имеет возможности рецензировать *получаемые материалы.*
Рукописи и иллюстрации не возвращаются, кроме уникальных, если это оговорено владельцем. Тексты принимаются в машинописном виде или на дискете в форматах Word, Lexicon.

Михаил ЕФИМОВ

«Пиджак» для армии или армия для «пиджака»?

Да простят меня офицеры, которые окончили не военные училища, а гражданские вузы, но в старые добрые времена в могучей Советской Армии их в народе звали именно так – «пиджаками». В этом прозвище не было ничего обидного, но проницательное око военного люда, на мой взгляд, точно подметило состояние этой офицерской прослойки.

Однако с тех пор много воды утекло. Нет уже мощнейшей в мире армии, выпускники военных училищ порою шарахаются от войск как черт от ладана, и их бегство стало поистине настоящим бедствием.

Наверное, поэтому и было принято решение об оптимизации военного образования, а именно – о сокращении количества военных кафедр в гражданских вузах. За пять последующих лет их станет почти в восемь раз меньше.

«На базе имеющихся сегодня 229 военных кафедр, – заявил начальник службы кадровой и воспитательной работы Минобороны генерал армии Николай Панков, – мы оставим всего 30, которые будут готовить офицеров для службы по контракту сроком не менее трех лет».

Вторая часть заявления генерала Панкова особенно важна. Она говорит о том, что военное руководство надеется значительно пополнить офицерский состав за счет выпускников гражданских вузов.

Об этом, кстати, говорил и министр обороны России Сергей Иванов. Он назвал работу как минимум половины военных кафедр неэффективной и охарактеризовал ее как «полную профанацию».

Министр считает, что «молодой человек из небогатой семьи может поступить в вуз. Условие одно – после его окончания минимум пять лет отслужить офицером. За это государство его бесплатно учит гражданской специальности».

Что ж, возможно, найдутся такие молодые люди. Уж чего-чего, а небогатых семей у нас достаточно. Отучатся, пойдут служить. Только вот будут ли служить или отбывать срок, как это нередко было в прежние времена в той же Советской Армии. Но тогда на это «отбывание» срока «пиджаком» смотрели сквозь пальцы – кадровых офицеров хватало. Теперь все изменилось. Порой в той же роте или батальоне вчерашние студенты занимают львиную долю офицерских должностей.

Разумеется, были и прежде толковые ребята, нацеленные служить не по принципу «лишь бы день до вечера», но они оставались в меньшинстве. Да и соперничать им с выпускниками военных вузов было непросто.

Однако, несмотря на все трудности, раньше «пиджаки», попадая в крепкие воинские коллективы, где рядом с ним служили настоящие профессионалы, быстро росли, набирались опыта, становились настоящими офицерами.

Где теперь те крепкие воинские коллективы? Где настоящие профессионалы?

Так что же, теперь сидеть сложа руки и не проводить реформу? Нет, конечно. Действительно, реформа военных кафедр назрела и слова министра обороны про «профанацию» верны. Ведь что ни говори, а на тех же военных кафедрах обучаются 170 тысяч студентов по 373 военно-учетным специальностям и по многим из этих специальностей мы «наковали» более 10 комплектов офицеров запаса. Но, увы, глядя правде в глаза, надо сказать – комплекты есть, а настоящих офицеров – нет.

Верно, надо что-то делать. Правильно сказал генерал Панков: «Ничего не делать уже невозможно». Следует оптимизировать и укреплять кафедры гражданских вузов, но (как ни крамольно это прозвучит) особенно уповать на это нельзя. Студент он и есть студент. Он шел в вуз и готовил себя к совсем иной стезе. И за это его нельзя упрекать.

Если в Советской Армии, уважаемой, мощной, где офицер видел перспективу, получал достаточно большое денежное содержание, имел многочисленные льготы, оставалась служить незначительная часть «пиджаков», то что говорить сегодня? Кто пойдет на нищенскую лейтенантскую зарплату при отсутствии жилья, льгот, ощущения своей нужности в войсках.

Не лучше ли сделать так, чтобы выпускники военных вузов не бежали из армии. Именно они и только они должны и могут стать становым хребтом нашей армии. На это, в первую очередь, и надо обращать внимание и силы государства.

Издается с октября 1994 года

СОЛДАТ УДАЧИ

№ 9 (132) сентябрь 2005

в номере:



Журнал тех, чья работа – защищать



Фото из архива «Солдата удачи»

ОТВЕТНЫЙ ВЫСТРЕЛ



■ «Шабашка» для «контрабаса»

стр. 31

Павел ЗЯБКИН

Надо понять людей, которые придут в армию. Это не будут стойкие оловянные солдатики. Это будут взрослые мужики со своими проблемами в жизни. Те, кто служит сейчас, – люди, выброшенные из жизни. Они не смогли нигде пристроиться на «гражданке», у большинства еще и развалившиеся семьи, проблемы с алкоголем. Почти все контрактники поголовно ненавидят службу и командиров и только мечтают о том, как бы с большей для себя выгодой «прослоняться» время контракта.

ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ



■ Нож – на нож. Меня не трожь!

стр. 33

Алексей МАМАТОВ, Константин ВОЮШИН

Нож должен быть всегда с вами, так же как и нательный крестик на груди у верующего человека. Нож – это ваш амулет под названием «путевка в жизнь». Это средство охраны жизни и безопасности – своей и своих близких. Кроме того, есть интересный феномен, проявляющийся при постоянном ношении с собой оружия, – такой человек реже попадает во всякие криминальные ситуации.

ОТВЕТНЫЙ ВЫСТРЕЛ



■ «Автор слабо представляет систему, о которой пишет...»

стр. 39

Дмитрий КОЧЕТКОВ

Помните: речь идет о человеке, который готов совершить в отношении вас, ваших близких или других невинных людей ПРЕСТУПЛЕНИЕ! Стоят ли его выбитый глаз, сломанная рука или даже отобранная у него жизнь предотвращенного убийства или изнасилования? Здесь каждый решает сам, и лично у меня позиция, занятая г-ном Климовским по этому вопросу, вызывает просто-напросто недоумение, особенно в свете его собственной работы.

СНАРЯЖЕНИЕ И ЭКИПИРОВКА



■ Кожаные «вездеходы»

стр. 42

Евгений РАССКАЗОВ

Со слов производителей, подтвержденных тестами, более водостойкими являются ботинки из 2,0-2,2-мм кожи с защитной пропиткой, имеющие в конструкции «мембрану». К слову, мембранные материалы лишь дополняют наличные потребительские свойства ботинок.

ИЗ ИСТОРИИ СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ



■ Немецкие штурмовые винтовки – прорыв в будущее

стр. 45

Сергей МОНЕТЧИКОВ

В июне 1935 г. владелец оружейной фирмы в Бибербахе, конструктор-оружейник Генрих Фолльмер (Heinrich Vollmer) представил в HWaA первый образец немецкого автоматического карабина М.35/I, рассчитанного на использование «промежуточного» патрона. Отправной точкой его создания послужил, по свидетельству руководителя фирмы GECO Рункенбаума, короткий патрон GECO 7,75x39,5 мм.

МЯСО ДЛЯ ВОЙНЫ



Юрий ЗАРЕЦКИЙ

Фото Сергея БАЛАКЛЕЕВА

Мы не спешили с публикацией этого материала. Необходимо было время, чтобы стерлись личностные рамки и он не был воспринят летчиками как возвышение одних и принижение других. Боевому опыту требуется определенный срок для осмысления.

Очередная встреча, воспоминания о войне. Собеседник – офицер-вертолетчик, большую часть служебного времени тратящий на обучение молодых летчиков-штурманов. Не первый год он и его подчиненные выполняют полеты над территорией возрождающейся Чечни. Вот только пулевые пробоины в боевых машинах этих экипажей за все время выполнения боевых заданий можно пересчитать по пальцам рук. У этих офицеров армейской авиации действует негласное правило: «Дырки в обшивке не признак героизма». Любой полет над Чечней – для них боевой вылет. Они по-прежнему на войне. Для них полет по реперам или по контрольным точкам вне площадных – обычная работа...

ПРОЗА ЖИЗНИ

Созданная когда-то в Советском Союзе система обучения была выверена до мельчайших деталей. Вот только действует она эффективно в наше время не всегда. Мы порой виним во всех бедах обстоятельства, государство, кого угодно, но только не себя. Однако не все в этой жизни зависит от «дяди». Сколько вертолетчиков прошло через чеченскую войну, не знаю, но каждый раз практически без изменений происходит одно и то же «кино». Как ни странно, «в кадр» не попадают экипажи из Северо-Кавказского и Московского военных округов. С ними проблем меньше всего.

...В Чечню прибывает очередная авиационная группа. Командиры вертолетов с подготовкой «снайпер», «первый класс». Преобладает обычный настрой: «Мы вас, северокавказцев, научим, как надо служить и летать». Большинство из прибывшей замены уже подсчитали, сколько денег они заработают за эту командировку. Лучше бы задались вопросом – с чего бы государству платить им рубли «на халяву». Для меня и моих товарищей все происходящее в Чечне и поныне укладывается в одно слово – война. О более точных формулировках в названиях событий, происходящих на Северном Кавказе, пусть болит голова у политиков.

Со спецификой работы в Чечне летный состав сталкивается с первых часов. Для начала уточню ее главные особенности. Во-первых, по большому счету здесь никто, кроме твоих близких друзей, не будет особо расстраиваться, если ты по своей дури

примеришь «цинковый бушлат». А потому не стоит становиться очередным примером «как не надо делать». Следующий пункт. Ни у кого нет времени на ежедневное разжевывание тебе прописных истин. Офицер должен уметь действовать самостоятельно и просчитывать свои действия. Хотя выполнение боевых задач и нуждается в творческих решениях, но за тебя этого никто не будет делать. Третий пункт, который стоит запомнить раз и навсегда, – здесь не учения на полигоне. В чужих планах «вахидухи» абсолютно не желают быть статистами. Твое командование для них не авторитет. Если ты рассчитываешь заработать деньги на командировке, то враг планирует получить доллары на твоей крови. По ту сторону «баррикады» хорошо подготовленные, изворотливые и хитрые бойцы. Они постоянно ищут твое «слабое место» и, найдя его, бьют именно в эту точку. Поэтому на войне свои законы и правила. Не она подлаживается под нас, а мы под нее.

ЛЕТАТЬ НЕДОУЧИЛИ, «ГРУЗ ДВЕСТИ» ПОЛУЧИЛИ

...Раньше на самоуверенные заявления вновь прибывших: «сами с усами» – внимания не обращали. Теперь пытаемся их подготовить за пару дней. Точнее, занимаемся устранением огрехов их командования. Собираем праваков и проводим занятия. Из раза в раз одно и то же. Изучение района полетов и сдачу зачетов они воспринимают как личное оскорбление. Вот только ни один из них не смог, что называется, с ходу схематично нарисовать расположение крупных, или, как говорят у нас, основных линейных и площадных, ориентиров. Старший штурман нашей части в Ханкале несколько часов проводит занятия. Прибывшие заменщики своим незнанием довели его «до ручки». Он в ярости выгоняет «ученичков» на улицу и требует пальцем показать, в какой стороне Терский хребет. Ответом ему – тишина. Неужели нельзя было заставить это «пушечное мясо» перед отправкой в Чечню изучить будущий район полетов? Можно, но все верят телевизору, что здесь тишь да гладь, да божья благодать. Потому, видно, и не напрягаются по мелочам.

Все оценивают свои способности и возможности очень высоко, но вот полетные карты почему-то для молодых летчиков-штурманов и их командования – камень преткновения. Для лучшего взаимодействия между сухопутчиками и авиацией необходимо использовать карты «километровки» (*масштаб 1:100 000. – Прим. авт.*) и единую кодировку. Чечня хоть и небольшая по размерам, но карта-склейка получается немаленькая. Поэтому Чечню «разделили» на две склейки: горную и равнинную. Для «северокавказцев» территория республики знакома как свои пять пальцев. Порой мы летаем по «двушке» (*масштаб 1:200 000. – Прим. авт.*). У вновь прибывших – «пальцы веером». «Километровка» – дурь, кодировка – игра в войнушку. Такое впечатление, что они просто закомплексованы и боятся, как бы кто ни усомнился в их способности выполнить предстоящие задачи.

Другой небезынтересный момент. Молодые летчики в подавляющем большинстве не знают условных обозначений, не умеют читать карту, не говоря уже о работе с ней. Если кто-то думает, что это «северокавказские» байки, то предлагаю два простых теста. Первый. Попробуйте добиться от выпускников авиационных училищ ответа, что обозначают эти знаки:

$; ⟵+⟶; •——•; ○— — —○; ⤧; ▲; △; ⊖; ⊖; ⌒; ▲10

Второе задание – практическое. Возьмите карту горного района. Выберите любое место, и пусть ваши подчиненные определят, возможно ли здесь выполнить посадку по крутизне ската. Если хотя бы половина ваших подчиненных справится с первой попытки с этими тестами, то со штурманской подготовкой у вас в части порядок.

Все вышесказанное – это не поиск недостатков, а проза жизни. Мои учителя войн насмотрелись, с прошлого века этого «варева» «ложкой нахлебались». На первом месте у них стояли подготовка и обучение летчиков-штурманов. Как их «выкормыш», проверивший на собственной шкуре все особенности полетов в «мирной» Чечне, также придерживаюсь простого правила: рвется там, где тонко. Летать недоучили, «груз двести» получили.

ПРОПИСНЫЕ ПРАВИЛА

Насколько знаю из рассказов старших, в 80-е годы убывающие в Афган подразделения армейской авиации проходили подготовку в учебных центрах Туркестанского военного округа. Целый месяц экипажи готовили к выполнению предстоящих задач. Сегодня от всей этой программы остались только контрольно-тренировочные полеты на высокогорные площадки для командиров экипажей Ми-8. Летчики-штурманы на эту подготовку не попадают. А зря.

Экипаж, как известно, должен сработаться, слетаться и понимать друг друга с полуслова, жеста, взгляда. Это не красивые слова, а жизненная необходимость. По крайней мере, немало вертолетов, «уложенных» на горных хребтах Чечни, могли летать и по сей день. Когда разбираешься в произошедшем, то маячит банальная причина, которую не все принимают всерьез. Многие аварии и катастро-





Здесь нужны профессионалы

фы связаны с неподготовленностью летчика на правой «чашке».

При выполнении захода экипаж с высоты 100 метров должен работать по следующей схеме. Бортовой техник по показаниям радиовысотомера докладывает командиру изменения высоты через каждые десять метров. Правак по ДИСС (доплеровский измеритель скорости и сноса) следит за путевой скоростью, докладывает ее изменение с интервалом в 10 км/час. Командирское внимание сосредоточено на площадке и построении глиссады захода. После уменьшения скорости полета до 50 км/час летчик-штурман через свой блистер контролирует нахождение вертолета над площадкой, немедленно докладывая командиру о любом смещении вертолета. Перед посадкой правак обязательно должен посмотреть, куда становится правое основное шасси.

Обычная схема, отработанная вертолетчиками для посадки на площадку ограниченных размеров еще в стародавние времена. Наиболее важна она при посадке на горные пятачки. Здесь важно, чтобы сидящий на правой «чашке» летчик не только знал, но и зрительно представлял сам заход на посадку. А его на эту подготовку не брали, про подобные посадки ничего не объясняли. Молод, говорите? Война скидок на возраст не делает.

Командир в Чечне летает самостоятельно, а его помощник только начинает «пристреливаться». Бывает и того хуже: в экипаже не выполняют описанную выше схему. Раз прошло все удачно, второй, и командир привыкает работать «без лишних подсказок». Только не всегда все проходит безобидно. Непроконтролированное колесо попадает в окоп — «вертушка» опрокидывается набок. Загашена скорость раньше времени, просадка — тот же итог. Ошибки и причины потом находят, командирам «хвосты накручивают» (это если экипаж жив-здоров). А вот об отсутствии взаимодействия в экипаже не вспоминают. Почему подобные ошибки наиболее негативно проявляются именно в Чечне? Здесь стреляют, а в подсознании у любого вертолетчика сидит знание, что на взлете и посадке он наиболее беззащитен. Нервничает человек, ошибается...

НАЧАЛО ОФИЦЕРСКОЙ СЛУЖБЫ

Начальники, распределившие меня в Северо-Кавказский округ, не говорили громких фраз, а смотрели на реакцию от полученной новости. Направление в воюющий округ воспринял спокойно, знал ведь на кого учился. Волновался, когда шел представляться новому начальству.

Встретили без особых изысков. Короткие беседы с командирами. Уточняющие вопросы. Заверения, что летать будем, но немножко позже.

Собрали нас, молодых лейтенантов, в одно подразделение и начали теоретическую подготовку.

— Все, что вам вдалбливали в училище, можете забыть. Обучение начнем с чистого листа, — такой «веселенькой» фразой приветствовал нас штурман эскадрильи.

— Может, кое-что оставим? — съехидничал один из нас.

— Там вас учили летать, здесь будете учиться воевать летая. Вещи абсолютно разные, когда освоите, поймете, — ответил капитан и, выдержав паузу, добавил: — Желающие стать мясом для войны могут заниматься по своему плану...

С такими заявлениями не поспоришь. Полк за два года наведения конституционного порядка потерял два экипажа. Оба — из этой эскадрильи. Немного позже по обрывкам разговоров понял, несмотря на всю сложность выполненных боевых задач, «старики» считают, что заплатили войне слишком большую цену.

Служба затянула, как водоворот. Занятия, переучивание, зачеты, полеты. Пришло время распределения по подразделениям. Обратился с просьбой оставить меня в эскадрилье. С отцами-командирами состоялся короткий разговор.

— Что полезного вы можете дать эскадрилье? И зачем вообще вы нам нужны?

Через несколько лет узнал, что это были контрольные вопросы. Кстати, были среди них и другие, весьма обидные, злые и с насмешками. Отвечал искренне, а потому правильно.

ПОЛЕТЫ В ГРАНИЦАХ ОКРУГА

Меня приняли в новую семью. Служба идет по накатанной колее. Действует старая армейская поговорка: «На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». Командование постоянно задействовало нас для оформления документации. Сколько карт было мною оформлено — не перечесть.

В училище мы были, наверное, одним из последних выпусков, выполнявших маршрутные полеты. В полку подобные полеты — основа всех заданий. После контрольных полетов по маршруту в районе аэродрома командование эскадрильи посылает молодых лейтенантов во внутриокружные командировки. В качестве инструктора с экипажем летает штурман эскадрильи. В этих полетах происходят обучение, демонстрация и объяснение, как надо выполнять задания.

...Летим на соседний аэродром, где ждет представитель командования округа. На рабочем месте летчика-штурмана сидит «желторотик». Командиру экипажа и инструктору на маршруте знакома, наверное, каждая травинка. Однако все доклады, указания молодого правака внимательно выслушиваются и неукоснительно выполняются. Начинаешь делать что-то не то, тут же следуют вопрос, уточнение, рекомендация или предложение проверить расчеты.

Прилетели на аэродром, забрали начальников. Рабочее место правака занял инструктор. «Перспективная молодость», занявшая рабочее место борттехника, как бы смотрит на работу экипажа со стороны. Только стажер немного отвлекся, и в полете возник особый случай. Представьте состояние лейтенанта, когда он узнает, что его командиры потеряли ориентировку. Экипаж не знает, где находится и куда дальше лететь. Позор! В кабине ругань, крики, эмоции выплескиваются через край. Проблему решает тот, кого должны учить. Объяснил, успокоил, доказал, показал. Разобравшись что к чему, решили все случившееся держать в тайне.

Через год, когда «секрет» раскрылся, хохотали всей эскадрильей. «Старики» с каждым из нас «теряли местоположение» практически в одном и том же месте. Новоиспеченных лейтенантов проверяли в экстремальной ситуации над безориентирной местностью. Такие «фокусы» в копилке моих учителей в избытке. На подготовку молодежи не

жалеют ни сил ни времени. Причем все идет как-то незаметно, само собой и с каждым индивидуально.

КУРСОМ НА ЧЕЧНЮ

На первую чеченскую войну попал неожиданно для себя. От эскадрильи формируют группу для командировки в Чечню. Мне предлагают убыть в ее составе в качестве «офицера по нерешенным вопросам». В подобных командировках постоянно возникает необходимость согласовывать различные житейские проблемы. Они мелкие, но требуют немедленного принятия мер. Отрывать на них личный состав группы, выполняющий боевые задачи, нельзя. Для этого завели должность внештатного начальника штаба.

При перелете в Ханкалу меня сажают на место бортового техника. Обычный полет, пока не прозвучал доклад штурмана эскадрильи: «Командир, вышли на территорию Чечни». Комэск плавно снижает вертолет до высоты пятнадцать метров. С этой минуты все находящееся на земле стало мелькать как в калейдоскопе.

До Терского хребта идем без проблем, а вот дальше последовал очередной урок-зачет. Хребет закрыт облаками, в таких случаях уходят на большие высоты, а над аэродромом посадки снижаются по приводной радиостанции. От руководителя полетов получаем информацию, что привод временно не работает. «Старики», покрутив головами по сторонам, перебрасываются парой фраз. Командир вспомнил этот район по операции, в которой экипаж участвовал в предыдущем «заходе». Верхушки Терского хребта, больше напоминающие холмы, прикрыты облаками. Горная седловина стала своеобразным окном. Снизу и с боков – горы, сверху – облака. При подлете к «окну» происходит короткий диалог.

– Экипаж, предложения?

– Вам там виднее, – отвечает из грузовой кабины борттехник.

– Землю наблюдаю, облачность стоит, видимость четыре, ущелье просматриваю насквозь. Идем дальше! – предлагает штурман.

– Ну а ты что молчишь? – обращается ко мне командир.

– Землю видно, можно лететь, – при этом для приличия еще раз кручу головой по сторонам.

Потом, на земле, мне объяснили: в экипаже существует правило, по которому в подобных ситуациях все обладают правом «вето». Было два решения по продолжению полета. Выбранный нами вариант сокращал время полета и упрощал его.

Через минуту вертолет «ныряет в окно». Пересекаем хребет. Разворачиваемся на новый курс. Продолжаем полет на предельно малой высоте. Командир смотрит по сторонам, начинает нервничать. Спустя мгновение в кабине бушуют страсти. В очередной раз хотят проверить мою сообразительность?

...Вот она ошибка. У меня нет карты. Приходится по карте штурмана эскадрильи «в темпе вальса» определять место вертолета. Ставлю отметку на карте и замечаю мелькнувшие улыбки старших. После этого к полетной карте отношусь с большим уважением. Военный летчик должен обладать отличной зрительной памятью, но полеты без карты – обычное разгильдяйство.

Среди моих чеченских уроков – ценность личного знакомства среди офицеров. После нашего размещения в казарме возникли кое-какие вопросы. В помещении размещались группы из других частей. Все живем одним коллективом, вот и надо распределить обязанности, сообразуясь с возможностями групп. Вышел спор кому что делать.

Привели меня «на ковер» к командиру другой группы. Мужик попался серьезный. Быстро понял в чем дело и попросил позвать моего начальника. Тут и произошла, как говорится, «встреча на Эльбе». Когда старшие офицеры начинают разговор с дружеских объятий, то комментарии излишни. Проблемы растаяли как туман под солнцем. Обязанности распределили по совести и справедливости. Об авторитете речь уже не шла, его у «стариков» оказалось больше, чем достаточно. Они воевали плечом к плечу в прошлой командировке. Все закончилось посиделками и разговорами за жизнь.

ДАГЕСТАНСКИЙ СТАРТ

Если кто-то считает, что с выводом войск из Чечни на Северном Кавказе установился мир, то глубоко ошибается. Северо-Кавказский военный округ остался на острие удара. Придет время, и все узнают, чего стоили России годы «затишья».

За время «перерыва» многое произошло. Нашу часть вначале планировали «урезать» и приступили к сокращению одного подразделения, но разум в штабах все же возобладал. Полки двухэскадрильного состава не в состоянии выполнять боевые задачи в полном объеме по прежнему предназначению. Все вернули на круги своя.

Летали мы, как принято сейчас говорить, по-взрослому, но нашему брату, сколько полетов ни давай, все равно мало будет. Сам не заметил, как стал регулярно выполнять перевозку командного состава округа. Правда, до заветного рубежа 200 часов в год не дотягивался.

На вторую чеченскую попал както буднично. Срочный приказ, и мы несколькими экипажами улетели в Дагестан. Это сегодня появились «глашатаи», рассказывающие как Российская армия все оперативно спланировала и остановила «орду вахов», с оружием в руках ступивших на дагестанскую землю.

Ваххабиты, заняв пару сел, стали готовиться к обороне. Позже мы





Разбор полетов без официоза

поняли: они ждали «начала освободительной войны на Северном Кавказе». Для этого были хорошо подготовлены базы и террористическая подпольная сеть. Почему их планы не осуществились? По многим причинам. Среди них одна довольно банальная. На Ботлих войска стали перебрасывать вертолетами Ми-26. Вертолетчики работали в «чрезвычайном режиме». «Духи» не могли поверить, что такое количество военнослужащих и боеприпасов можно перекинуть по воздуху. Они считали, подполье дагестанских «вахов» их предало и пропускает колонны с войсками.

Многие из нас ожидали повторения первой чеченской, когда пресса изощрялась в поливании помоями собственной армии. Первые впечатления от сообщений, поддерживающих наши действия, описать невозможно. Они были подобно глотку воды в пустыне. Когда вслед за этим местное население стало заявлять о ненависти к пришлым «освободителям» не перед телекамерами, а в личном общении, все стало на свои места.

Войскам приходилось вступать в дело по извечной российской традиции — «с колес». Не обошлось без показухи, несогласованности и накладок, но здесь выручил опыт первой чеченской. Командиры частей тогда научились действовать автономно и быстро налаживать взаимодействие с соседями. Авиация, выбивая боевиков «из нор», не стеснялась делать им «сюрпризы».

...«Вахи» окопались на горе. Десантники и мотострелки пытаются сбить их с господствующей высоты. Кто-то из начальства решил перебросить поближе к вершине горы ЗУ-23-2. Она поможет перевесить чашу весов в нашу пользу. «Зэушка» в горах — весомый аргумент и при грамотном использовании становится главным козырем. Одни придумывают, другие делают. «Двадцать шестой» на это дело не пошлешь, «вахи» его в два счета завалят... Посидели, посчитали...

«Восьмерку» облегчили до предела, убрали все лишнее и ненужное для полета. Цепляем зенитку на внешнюю подвеску — и в гору. Хотелось бы все сделать побыстрее, но нельзя. Раскачаем груз, придется его сбросить и начать все по новой. Делать это на глазах у «вахов» — собственноручно подписать себе смертный приговор. У нас только одна попытка, пока засевшие на горе боевики не разобрались в происходящем. Командир работает ювелирно. Вертолет неспешно плывет к назначенному месту. Сработали аккуратно, «подарочек» по назначению довезли. Находившийся на борту специалист «в темпе вальса» отшвартовал подарочек. Когда боевики пришли в себя от авиационной наглости, «вертушка» уже улетела. Тут бы в ладошки от радости хлопать, а у нас осадок неприятный. Зенитка так ни разу и не «тявкнула» по «вахам». Боеприпасы к ней не доставили, хотя и заверяли, что на собственном горбу затащат. «Вертушкой» этого уже нельзя было сделать. Боевики не дали бы наглеть второй раз. Так ради чего рисковали? Получается, выполнили перевозку металлолома с риском для жизни. (Насколько известно «Солдату удачи», доставленная «зэушка» стала для боевиков «дамокловым мечом». В ее сторону они даже не смели приближаться. Порой только присутствие оружия на поле боя оказывается для врага сильным сдерживающим фактором. — *Прим. авт.*)

ЧЕЧЕНСКИЙ РЕЙД

Бои в Дагестане сопровождались активизацией нашей разведывательной деятельности. Приняла в ней участие и армейская авиация. Вот только не все и не всегда получалось так, как описано в уставах и наставлениях.

Получаем задачу на выполнение разведки в районе Ведено. Командование интересует состояние дорог от «гнезда» Басаева к Дагестану. Специалист должен выполнить видеосъемку с нашего борта. Соваться в волчье логово в одиночку — занятие рисковое. Пара «полосатых» у нас на хвосте должна увеличить шансы выживания при встрече с «вахами». «Двадцатьчетверкам» назначили место встречи, от которого будем действовать группой.

Полет по дагестанским ущельям прошел без особых приключений. Подходим к назначенной точке. Командир устанавливает контрольную связь с ведущим пары боевых вертолетов. Попытка найти друг друга в воздухе оканчивается безрезультатно. Мой командир начинает нервничать и, не скрывая раздражения, выходит в эфир.

Самолюбие и обиды не раз становились причиной разрыва в человеческих отношениях. Порой это происходит в самый неподходящий момент. Командиру «полосатых» не понравился тон разговора с ним. Вообще-то лично меня волновало, почему не вижу двух «крокодилов» там, где они должны находиться. Со зрением у нас в экипаже полный порядок. Если еще пару минут «погалдим» в эфире, на воздушном рейде можно ставить крест. На наших радиостанциях и по сей день не стоят системы кодирования. «Вахи» постоянно прослушивают авиационные переговоры. Есть возможность приготовить «жаркую» встречу — никогда от этого не откажутся. Поэтому возвращение на базу с полдороги — просто подарок противнику. До следующего прилета «вертушки» появляется вагон времени, спрятать концы в воду и приготовить зенитки для засады.

Слово за слово, и командиры «встали на ножи». Все бы ничего, но пары Ми-24 нет в указанном месте. Очередной запрос, а в ответ: «Будешь умничать — один полетишь!» Зря он такими словами разбрасывается. Мои учителя еще на первой чеченской привыкли работать без сопровождения. Единственные, кто вызывал у них уважение, — «полосатые» из Буденновска.

На КП прошел доклад о начале выполнения задания без сопровождения. Как говорится, была без радости любовь, разлука будет без печали. Нервы натянулись как струны. Выручила работа, она отвлекла от ненужных размышлений и эмоций. К визиту «восьмерки» боевики не были готовы. Мы прошлись по заданному маршруту и вернулись на базу. Командование получило в свое распоряжение документальный фильм и осталось довольно нашим рейдом.

Дагестан дал в мою копилку боевого опыта и другой пример, какое доверие должно быть в экипаже.

Из Ботлиха потребовалось срочно эвакуировать раненых. Все в затылках чешут, ущелья закрыты облачностью. Получается, вариантов никаких, а шансы раненых и того меньше. С командиром мы слетались хорошо, но предложенный им план меня обескуражил. Идем в район площадки за облаками. Над ней снижаемся... и все в ажуре.

Если это предложение, от которого нельзя отказаться, то имею свои условия. Командир слушает внимательно. Прежде всего с максимальной точностью выдерживать режим полета. Все мои команды выполнять незамедлительно и без рассуждений. Оговариваю высоту принятия решения на возвращение, если не выйдем из облаков.

...Режим полета выдерживался по нормативам оценок на «пять». Схему захода выдержали точно. Когда из облаков вышли, с левой «чашки» удостоился поощрительного взгляда и короткой фразы: «Молодец, мастер, значит, сработались». Задачу выполнили, раненых вывезли. Полет стал итоговым в моем «лейтенантском» обучении. С того дня началось повышение профессиональной подготовки. Как говорится, был мясом, стал поваром.

ЭКИПАЖ – ОДНА СЕМЬЯ

...Не хотели нас сменщики слушать. «Всезнаек» из себя строили. Месяца не прошло – срочно откомандировывают северокавказские экипажи на усиление. Прилетаем и слышим: «Бл...ь, «духи» боевые действия полным ходом развернули. Несем потери. Молодежь к войне не готова...» Хотелось спросить, куда раньше эти умники смотрели, но пожалели их самолюбие. Полетали, посмотрели и ничего нового не увидали. Обычная война, и «усиление» не нужно. Про огневое воздействие московским штабам лапшу вешайте. Нам достаточно пары ответов на контрольные вопросы, и все понятно.

Нет худа без добра. Теперь многие из «крутых», словно голодные кукушата. Рекомендации во все уши слушают, запоминают. Все, что непонятно, уточняют, переспрашивают. Командиры раньше на «праваков» внимания не обращали, с любым готовы были лететь в бой, теперь у каждого свой. Попробуй поменяй, сразу начинается «рев раненого медведя» и упор на выражение: «Это мой правак». Пусть все они без класса, но уже показали, кто на что способен. В экипажах полным ходом идет «притирка» друг к другу. Командиры перестали быть добренькими. Вспомнили, чему их в молодости учили, занялись подготовкой своих помощников. Начало работать авиационное правило: «Мы с Тамарой ходим парой!» Это присказка, а по жизни «командира экипажа» от «бати» одна единственная «примета» отличает. Первый гонор показывает, второй – опыт передает, свою смену учит.

Подбор экипажа – на первый взгляд дело простое. При ближайшем рассмотрении еще тот ребус. Один командир с «повышенной загораемостью». Ему надо подобрать «противопожарного» помощника. Летчику «с поздним зажиганием» подыскиваем «стартер». При всем притом не забываем про передачу летного опыта. Учитываем командирский авторитет и перспективы подразделения на будущее готовим. Есть у человека задатки инструктора – сажаем к нему молодого. Кто не обладает такими качествами, летает с подготовленными штурманами. Не каждому дано авиационную смену готовить. К тому же среди «стариков» встречаются и такие, кого на пушечный выстрел нельзя подпускать к молодежи. Короче говоря, нужна ювелирная работа по установлению симбиоза в экипаже. Всем этим заниматься надо в подразделениях. Итоги такой работы в Чечне хорошо видны. Зачем там, где сам обделался, делать рекламу успехам противника? «Вахи» просто приписали себе половину «сбитых» вертолетов.

Прочность цепочки определяет ее самое слабое звено. Уровень самого классного командира экипажа сводит на нет неподготовленность летчика-штурмана. Летчик-снайпер на левой «чашке» – это хорошо, но дорога в небе прокладывается с правой лавки. Если на ней «бронеголовое чудо», то все ваши надежды остаются на аэродроме. Выполнение любой задачи будет сорвано в самый неподходящий момент. Насколько готов экипаж к выполнению задач, лучше знать заранее.

Выше я рассказывал о том, как в полете командир советовался с экипажем о пролете через горный хребет. Не дурь то была. Он проверял, насколько готовы его подчиненные к принятию самостоятельного решения. Уверенность в своих силах должна быть у каждого. Комэск дал право выбора. Бортач и правак не статисты в экипаже и летают не в качестве балласта. С позиции сегодняшнего дня уверен, прими экипаж другое решение, то получил бы объяснение, почему оно не правильное. Полет над Ханкалой в ожидании начала работы приводной радиостанции – не только потеря времени. Кстати, ее так и не включили, поломку устранили только через пару часов. Займи мы эшелон, пришлось бы нам уходить на соседний аэродром, а так все довольны и на место прибыли без риска и нервотрепки. Успех таился в слаженной работе подготовленного экипажа. ■

Самые «желанные» цели...



Уважаемая редакция!

После того, как прочитал статью С.Малюка «На чем воевать будем, пехота?» в спецвыпуске «К бою!», у меня возникли вопросы и предложения.

Во-первых, автор рекомендует повысить защиту БМП до уровня танков. Но не повлечет ли это увеличение габаритов машины, ведь помимо экипажа внутри необходимо разместить еще и отделение пехоты. При общей тенденции создания сравнительно небольших образцов бронетехники не станут ли такие БМП самыми крупными объектами российских боевых машин? Учитывая то, что теперь у них практически танковое вооружение, и все же они будут уступать по определенным параметрам боевым машинам (сам автор признает, что универсальная машина проигрывает своим специализированным прототипам), не станут ли БМП самыми «желанными» целями на поле боя. Ведь, накрыв такую цель, можно уничтожить и саму машину, и подготовленный экипаж, а также отделение мотострелков в придачу.

Во-вторых, автор советует внедрить компоновку с передним расположением двигателя. Конечно, передний отсек защищен лучше всего, но возможность того, что он будет пробит, не исключена. Поэтому не очень ли экипаж рискует мобильностью? В конфликтах малой интенсивности (например, в Чечне, где 50% попаданий ПТС приходилось на корму, остальные по бортам и лишь малая часть – в носовую проекцию) с применением высокоточного оружия этот минус не существен, но ведь противник может позволить себе и массированные атаки. Собственно, ради чего ставить двигатель вперед? Чтобы мотострелковое отделение могло покинуть машину через задний люк. Но в БТР реализована идея бортовых люков, конечно, они жутко неудобные, но никто не мешает довести эту идею до нужного уровня.



Что же касается предложений, то они следующие:

Автор предлагает установить на БМП 120-140-мм гаубицу (2С9 «Нона-С») для ведения успешной борьбы с артиллерийскими и минометными огневыми средствами, группами пехоты, дзотами и дотами. Уничтожение бронетехники он советует возложить на ПТЗРК, но я предлагаю поставить на БМП специализированный ЗРК, при этом его дальность должна составлять 10-12 км («Тунгуска», «Панцирь-С1»), так как перспективные авиационные ПТРК («Вихрь») имеют подобную дальность. Также необходим противоракетный комплекс.

Для борьбы с бронетехникой и укрепленными позициями в конце 80-х годов были созданы управляемые артбоеприпасы гаубичного типа (УАС) «Краснополь» (155 мм с дальностью стрельбы 22 км) и позже «Китолов-2» (120 мм для упомянутой автором гаубицы 2С9). Дальность стрельбы последнего составляет 9 км, по вероятности попадания не уступая ПТУРам (зона рассеивания находится в зоне площади цели, а зона промахов – в зоне захвата цели ГСН), а по скрытности превосходя их. Наведение осуществляется лазерным дальномером-целеуказателем (ЛДЦ), который имеется и в машине, и в носимом варианте. Стрельба ведется без метеобаллистической подготовки по топографическим данным. Их ТТХ, размеры условия хранения и применения не отличаются от штатных. Так что есть о чем подумать.

С уважением Илья Лашенков, Московская область, Можайск-3.

Сергей СЛОБОДА
Фото из архива автора

Доблесть и позор в одном «флаконе»:
украинская армия в Ираке

(Продолжение. Начало в № 8)

Базы «Дельта» и «Чарли»

...Вечер на базе «Дельта» (Аль-Кут). Абсолютный шок от посещения столовой. Меню, как в ресторане: мясо, салаты, свежие фрукты, соки, мороженое, пирожные – все в ассортименте и всего до отвала, бери не хочу. После тех помоев, которыми нас кормили во время подготовки, – просто праздник (на питание одного солдата коалиции выделялось 20 баксов в день).

Получили оружие. Мне вручили РПГ-7Н, прицел 1ПН-58, 4 рожка патронов и автомат АКС-74У. (Через три недели я сменил его на АКС.) Батареи к ночникам «умерли» еще давно, новых не выдали (я пытался приспособить запасенные из дому «кроны»), но габариты этих устройств и специфика наших действий предопределили им законное место под койкой в казарме. Мы пользовались американскими ночными очками.

Бронежилет «Корсар М3», несмотря на хорошие защитные свойства (кевлар держит пулю ПМ, а в проекции стальных пластин останавливает бронебойную пулю из СВД), все же слишком тяжел. Когда поверх него надеваешь разгрузку с боезапасом, берешь гранаты и ВОГи, становишься немобильным; каждый раз, когда спрыгиваешь с БТР, думаешь, как бы ноги не поломать. Быстро упасть, перекатиться – забудьте, покалечитесь. Боезапас в 4 рожка явно недостаточен для ведения боевых действий, поэтому каждый стремился разжиться дополнительными магазинами, гранатами и т.д. Причем если младшие офицеры относились к этому с одобрением, то высокое начальство «дрючило» в хвост и гриву и регулярно устраивало подсчет боеприпасов, стремясь понять, сколько же «левых» патронов находится у солдат.

Наутро выехали на базу «Чарли», в город Аль-Хай, где предстояло нести службу. Задачи: контроль обстановки в городе, демонстрация присутствия, патрули, помощь местной полиции и роте ICDC (Иракский корпус гражданской обороны, или национальная гвардия Ирака), обеспечение безопасности колонн в нашей зоне ответственности, изъятие незаконного оружия и т.д. Численность личного состава – 60 человек.

База в городе Аль-Хае находилась в здании спортивной школы на окраине города и по периметру была огорожена невысоким, примерно в рост человека, кирпичным забором. Со всех сторон ее окружали традиционные, главным образом двухэтажные здания, с крыш которых просматривалась и соответственно простреливалась практически вся территория. Само здание школы было довольно прочным, но не очень подходящим для обороны: окна находились низко, эффективно простреливать близлежащие улицы и окружавшие нас дома мешал забор. Более-менее эффективный огонь мы могли бы вести с крыши, но она была очень слабо защищена. Всего два пулемета противника на крышах близлежащих зданий с фронта и фланга, несомненно, сделали бы положение для стрелков на крыше очень тяжелым, если не фатальным. В довершение ко всему попасть на крышу можно было через единственную дверь, которая также могла простреливаться противником с фронтальной стороны. Не знаю, чем руководствовалось командование пятой бригады, подбирая для базы такое здание прямо в городе, наверное, боевики предложили, чтобы было проще нас атаковать...

В общем, предстояло многое сделать, чтобы там укрепиться. И все же мы были очень рады, что нам не пришлось там воевать. «Дольф» (ротный) сразу же предпринял шаги по укреплению обороноспособности базы, но у меня сложилось впечатление, что командование не особо стремилось помочь ему в этом, так как даже элементарные просьбы о выделении дополнительной маскировочной сети и колючей проволоки остались неуслышанными. Но во время нашего



В патруле. Один досматривает машину – другой страхует

двухмесячного пребывания в Аль-Хае мы нарастили каменный бортик по периметру крыши мешками с песком. Сложенные наспех укрытия для постов на крыше сменили добротные бетонные «черепахи», обеспечивавшие надежную защиту, широкий сектор обстрела. Укрепили въезд на базу земляными бастионами «Хеско», а вдоль забора поставили сигнальные мины.

Один «калаш» по меркам Ирака – это несерьезно...

Первые дни в Аль-Хае запомнились самыми яркими впечатлениями: красное солнце, непередаваемые оттенки закатов, пение муэдзина, мечети, местные жители в национальной одежде, финиковые пальмы, арабская речь – все это создавало дух невероятного экзотического приключения, для описания которого я вряд ли когда-либо смогу подобрать нужные слова.

И еще постоянная, беспорядочная стрельба вокруг базы. В первые минуты думаешь, что стреляют обязательно в тебя, ищешь цель, чтобы залепить очередью в ответ, но за пару дней привыкаешь. Стрельба в иракских городах – национальное развлечение. Оружие есть в каждом доме. Арабы стреляют по поводу и без него. Ишак родился – стреляют, «трахнул» девушку – стреляют, если любимая команда забила гол в футбольном матче – все небо в трассерах. Нередко с помощью автомата решаются семейные споры и конфликты, и, разумеется, оружие является первым аргументом в криминальных разборках. Это так, к слову, об аспектах, не касающихся собственно войны, которую ведут партизанские формирования против коалиционных сил, местной полиции и ICDC.

Из всех городов, в которых довелось впоследствии побывать, в Аль-Хае стреляли чаще всего. Я думаю, потому, что мы никак по сути не реагировали на это. В городах, патрулировавшихся американцами, арабы вели себя гораздо сдержаннее, поскольку на опрометчивую очередь те могли сразу же залепить в ответ из автоматического гранатомета МАРК-19 или пулемета «Браунинг» М-50 (М-2).

Дни службы понеслись стремительно. Сутки в наряде по охране базы, а на следующие – конвой днем за продуктами на базу «Дельта», вечером и утром следующего дня – патруль по городу. Каждый выезд воспринимался как новое приключение.

Первый выезд. Ночной патруль. Выдвинулись тремя БТРами верхом на броне. Дембеля показывают город. Автоматная очередь из темного переулка. Стрелять – не стрелять? Не видно ни черта... Проскочили.

...Оружия у местных немерено. В первый же патруль на въезде в город изъяли «калаш», а спустя несколько минут – пистолет «Кольт 1911».

И пошло-поехало. Что ни выезд, то один-два изъятых ствола. «Беретты», «Макаровы», ТТ, «Браунинги» ну и, конечно, АК-47 и АКМ иракского производства. Забирали стволы только у тех, кто не имел разрешения.

Постепенно начало проявляться истинное отношение командования нашего батальона, и 6-й бригады в частности, к выполнению поставленных перед украинским контингентом задач. Я бы сказал, что им было «похер». Как объяснить то, что у нас не было установленных образцов документов, таких как разрешение на ношение оружия от коалиционных сил, или тех же полицейских удостоверений? Не было ни ориентировок, ни фотографий разыскиваемых террористов...

Типичная ситуация – останавливаем машину, находим при обыске автомат. «Силях карт аку?» (Разрешение на оружие есть?) – спрашиваешь водителя. «Аку, Аку!» (Есть, есть!) И тычет тебе какую-то бумажку, написанную от руки и с черно-белой ксерокопией печати. Дескать, это разрешение и есть.

«Иди ты... с таким разрешением». Автомат в БТР, водителю «гуд бай», не арестовывать же каждого. Как выглядит настоящее разрешение, мы узнали спустя три месяца, после того как перебрались в Аль-Кут. В полицейский участок тащили, как правило, только тех, у кого находили тяжелое вооружение типа РПГ-7 или несколько стволов. Один «калаш» по меркам Ирака – это несерьезно...

Полнейший бардак – XVIII век. Полицейская наука и криминалистика на нуле. Мы по привычке думали, что нам будут предъявлять ламинированные удостоверения с цветным фото и печатью, голографической защитой и т.д. Как бы не так. Даже удостоверения полицейских, выданные мэрией Аль-Кута, – это небольшие карточки обычной принтерной бумаги в чехле из прозрачного пластика. Да и печати такие, словно их на том же принтере отпечатали. Половина таких «ксив» наверняка фальшивая, что позволяет передвигаться вооруженным бандитам свободно по всей стране. Да и у местной полиции нет возможности проверить задержанных и установить их личность. Поэтому, как правило, попавшиеся бандиты отделывались потерей личного оружия.



Главное в «экзотическом приключении» – чтобы автомат всегда был под рукой

Пристрелка под руководством комбата превратилась в цирк...

Оказавшись в Ираке, мы получили оружие, которым пользовалась до этого пятая бригада. Разумеется, его нужно было пристрелять. Но, как это ни парадоксально, такой первоочередной важности на войне вопрос оставался без внимания. Шли недели, а мы продолжали ездить с непристрелянным оружием. Целыми днями вокруг нас стрельба.

Каждый день зачитывают развединформацию о нарастающей активности боевиков, о нападениях на коалиционные силы, о растущих потерях среди солдат коалиции, а командование батальона по-прежнему ведет себя так, будто мы приехали на курорт. ДАЖЕ У СНАЙПЕРОВ винтовки

остались НЕПРИСТРЕЛЯННЫМИ. Забегая вперед, скажу, что МЫ И В БОЙ ПОШЛИ С НЕПРИСТРЕЛЯННЫМ ОРУЖИЕМ.

Позже я узнал причину этого. Наш комбат не любил стрельбы и боялся ее, поскольку не доверял солдатам. Ему так было спокойнее. Спустя почти месяц нашего пребывания в Ираке «Дольфу» удалось «продавить» пристрелку. Мы взяли все необходимое для этого, начиная от чистых мишеней и кончая мушководом. Но пристрелка под руководством комбата превратилась в цирк. Он нагнал кучу народу, решив, видимо, однозначно покончить с этой неприятной процедурой. Повесить чистые мишени не дал. Выдал нам по 10 патронов. Отстреляли мы их в темпе вальса одной серией, после чего подошли к мишеням. Смотрю я на свою – в мишени два десятка неотмеченных дыр, какие из них мои, – остается только догадываться. У остальных примерно та же картина. Какие там серии по четыре выстрела, тщательное и однообразное прицеливание и другие постулаты пристрелки, известные каждому сержанту! Какое там определение СТП!

Психанув, я пристрелял свой автомат прямо на базе, поставив у забора ящик с водой. А дежурному доложил, что стреляли местные. К подобным «фокусам» мы вынужденно прибегали неоднократно.

Зато потом, в начале апреля, после ставшего знаменитым в ВС Украины боя 6 числа (о нем речь далее) я стал свидетелем следующей ситуации. Выходим мы из столовой после ланча, и рядом с нами оказался генерал Собора, замкомдива Центр-Юг, по какой-то причине решивший поговорить с солдатами. Естественно, собралась внушительного размера толпа, среди которой было много начальства, и наш комбат тут как тут. Смотрит на всех, глазами прожигает, чтобы никто ничего лишнего не сболтнул. В ходе разговора генерал бросает фразу: «Убедитесь, что оружие у каждого пристреляно». И тут же, повернувшись к нашему комбату: «342-й, у тебя пристреляно оружие?»

– Так точно, товарищ генерал, конечно, пристреляно.

У меня аж скулы от бешенства свело. В батальоне от силы два десятка автоматов пристреляно. Послал людей в бой с непристрелянным оружием, и хоть трава не расти. Вот в этом вся наша армия.

Забастовка

Тем временем обстановка в стране накалялась. Росло число нападений на коалиционные войска. Итальянцы, поляки, американцы – все периодически вступали в стычки с партизанскими группами. Все чаще приходили сообщения о подрывах на фугасах конвоев и патрулей, и только украинцев, если не считать нескольких мелких инцидентов со стрельбой, война обходила стороной. Но было ясно, что рано или поздно она коснется и нас.



Первые дни в Ираке. «Крыша-2» в Аль-Хае. Виден окружающий базу забор

Первый раз всерьез запахло жареным 11 марта 2004 года, когда инициированный сторонниками Махди митинг постепенно перерос в гражданские беспорядки. Взбешенная и вооруженная камнями толпа бросилась на штурм мэрии города. Команды нам поступали противоречивые: мы готовились к выезду на место событий, но поступал «отбой», и мы возвращались назад и сидели в кубриках по полной боевой. Мэр якобы просил помощи, но командование в Аль-Куте не давало согласия на наше участие. Напрашивался закономерный вопрос – какого хрена мы вообще тут делаем?

Когда пошли слухи, что мэра вот-вот разопнут прямо на балконе мэрии, мы наконец поехали. В десант рядом со мной втиснули переводчика-араба, который работал вместе с нами. Эти арабы, многие из которых раньше учились в Советском Союзе, не вызывали особого доверия ни у нас, ни у наших командиров. Они жили между двух огней, рискуя тем, что каждую ночь к ним могли наведаться представители армии Махди и подвесить их и всю семью за определенные части тела в отместку за сотрудничество с «неверными». Я думаю, единственное, что могло бы спасти такого переводчика от закономерной и безжалостной мести соплеменников, это то, что он мог сливать им разведывательную информацию о нашей деятельности. Благо, с базы они не вылезали, часто ездили с нами на выезды и знали наши порядки досконально.

На подъезде к мэрии я проклинал командование, загнавшее нас внутрь машин, вместо того чтобы спешиться и продвигаться под их прикрытием. Воображение рисовало результаты гранатометного залпа по БТРу и крики сгорающих заживо людей в переполненном десантном отсеке. Через плечо Кота (водилы) видна улица, полная дыма, впереди горят покрышки, слышны крики бушующей толпы, и вообще – хаос и ничего не понять. Ощущения сильнейшие, азарт, мандраж. Переводчик рядом трясется и причитает: «Вы только не стреляйте, только не стреляйте!», чем подливает масла в огонь.

– Ну выйди тогда, успокой своих!

– Да вы что, меня ж там убьют!!!

– Ну тогда заткнись и не мешай.

Мы не доехали метров семьдесят, когда оглушительные удары по броне заставили нас сжаться, но это были не пули. Из-за забора стоявшей неподалеку школы на машины обрушился град камней. Тут же началась стрельба. Слышу, как начали стрелять «филины» (ночники). Парамон, наш пулеметчик РПК, матерясь на Виталика, мешающего ему, пытается залезть внутрь БТР, а места нет. Мы набились в десант полным составом, по четыре человека с каждого борта. Сквозь бойницу вижу, как мимо проезжает БТР «Дольфа» (ротного) и лупит в воздух со всех стволов. Оглушительно грохочет КПВТ, и местные вроде немного разбежались. Впрочем, ненадолго. Увидев, что мы не собираемся вести огонь на поражение, толпа начала собираться вновь. (Нам бы не помешали нелетальные боеприпасы и слезоточивый газ, но у нас их не было.) Правда, камнями в нас никто больше не бросал. Несколько минут мы маневрировали по улице, потом откатились подальше. Один БТР запутался в колючке. Короче, полный пиз-ц.



Так мы пытались защитить БТРы от гранатометчиков

До сих пор не пойму, почему местные не сожгли тогда всю нашу роту. Но, несмотря на это, наше присутствие заставило их вести себя немного поскромнее. Через полчаса, после того как бунт фактически закончился и стороны, похоже, уселись за стол переговоров, словно издевка, наконец поступило разрешение из штаба в Аль-Куте: «Сделать несколько предупредительных выстрелов из КПВТ». А еще через два часа, когда мы уже устали торчать на этой улице и всем стало ясно, что на сегодня «война» закончилась и пора по домам, комбат пригнал нам на помощь из Аль-Кута остатки батальона и приданную командованием бригады разведроту. А гнида мэр, уцелевший лишь благодаря решительным действиям ротного, потом, кстати, поехал жаловаться на нас в Аль-Кут командованию бригады, заявив, что нас никто не звал, мы приперлись сами и устроили там никому не нужную пальбу.

Неудавшаяся погоня

«Стадо баранов во главе со львом – львы, а стадо львов во главе с бараном – бараны!» (Римская пословица)

...Прошло несколько дней со времени событий у мэрии. Опять ночной патруль. Расселись по БТРам. Я, «филин», – справа, Парамон (пулеметчик РПК) – слева («филины» – взводные наблюдатели с приборами ночного видения. – *Прим. ред.*). Подходит командир взвода: «Планы меняются. От местной полиции поступил сигнал, что за мостом, в районе кирпичного завода, группа вооруженных автоматическим оружием людей грабит проезжающие мимо автомобили. Едем их ловить».

Выехали на трассу. Кот (водила) жмет на газ так, что корпус БТР весь вибрирует, ветром норовит сорвать каску. В зеленом свете моего ночника, закрепленного на голове, мелькает пустынный пейзаж. На подъезде к заводу видим впереди габаритные огни остановившихся автомобилей. Не доезжая несколько сот метров, мы погасили фары, спешились с БТР. Спрятавшись за машиной, продвигаемся вперед. От стоящих автомобилей отделились несколько человек в форме местной полиции и подошли к нам. С их слов, сопровождавшихся оживленной жестикуляцией, мы поняли, что бандиты уехали в направлении Аль-Кута на белом автомобиле. Мы прыгнули в БТРы и бросились в погоню. Едем довольно долго – на трассе никого. Ввиду бесперспективности дальнейшее преследование было прекращено. Чтобы не возвращаться с пустыми руками, решили остановить пару машин, авось какой-нибудь ствол изымем. Останавливаем микроавтобус. Виталий занялся шмоном, я стою сзади, сбоку – страхую. С левого борта Парамон наблюдает в ночник деревеньку дворов в десять, расположенную за полем. И тут прямо в поле вспыхивает перестрелка. Стреляли из стоявшей в поле машины светлого цвета, из двух или трех автоматов в сторону деревни. Оттуда тоже огрызались очередями.

При первом же выстреле я буквально «телепортировался» за броню и, высунув ствол, взял на прицел место, где вспыхивали огоньки выстрелов, то же самое сделали Виталий и Саня Коновалов. Увидев наши действия, взводный заорал: «Не стрелять!» Это вообще была его самая любимая команда, которую нам доводилось слышать от него в экстремальной ситуации... Чуть замешкался Парамон, перебегая на нашу сторону. Пассажиров остановленного нами микроавтобуса мы отправили восвояси.

Было ясно, что те, кого мы искали, перед нами. Они, видно, сунулись в деревню, а там им дали отпор. Перестрелка продолжалась минуты две, после чего машина с потушенными фарами двинулась по полевой дороге в сторону трассы. Нас охватил азарт. Вот уж поистине на ловца и зверь бежит! Они должны были выехать на трассу метрах в трехстах впереди нас. Но в голой, как стол, пустыне мы не могли долго оставаться незамеченными, поэтому действовать предстояло решительно. Мы предложили план: подъехать к ним метров на 100 – 150, пока они нас не увидели (личный состав идет сзади за броней, на машине, за башней, находятся два



«Угловой» дом. Стрелками обозначены позиции боевиков. Виден уничтоженный нами грузовик-бензовоз. Снимок сделан с чердака элеватора через ТЗК

стрелка на случай попытки противника применить гранатомет), ослепить фарой-луной, установленной на стволе башенного пулемета, врезать справа-слева от боевиков парой очередей из КПВТ, чтобы не рыпались, и вынудить сдаться. В случае оказания сопротивления взвод на двух БТР с полным вооружением просто разрезал бы эту легковушку пополам.

Как бы не так! Наше командование в лице командира взвода и начальника штаба явно не горело желанием ввязываться в стычку, даже имея подавляющее превосходство в силе. Поэтому вместо приказа продвигаться вперед НШ бросил фразу, ставшую потом анекдотом: «Стоим, стоим, они сами к нам сейчас подъедут!»

Произошло то, чего и следовало ожидать. Не доезжая метров десяти до выезда на трассу, они нас заметили и круто повернули назад. Ситуацию осложняло то, что наш БТР стоял «мордой» в другую сторону, и нам предстояло еще развернуться. А БТР второго отделения под командованием НШ проскочил место поворота на полевую дорогу и умчался по трассе метров на четыреста вперед. Машина бандитов успела отъехать уже метров на двести обратно в поле. В ночник было прекрасно видно, как с потушенными фарами, но с включенными габаритами она медленно продвигается вперед.

Свернув на полевую дорогу, мы начали медленно сокращать расстояние. Я видел, как машина встала, застряв метрах в трехстах впереди. Слева от нас протекал арык, справа – чей-то огород. Надо было поднажать, но наш взводный дал команду остановиться. «Дальше не поедем, дороги нет», – внаглую соврал он, не желая продолжать погоню. Взбешенный, я забрался внутрь машины, чтобы он не слышал моих матов. Сидящий рядом Саня Коновалов поставил диагноз: «Зассали!»

К печальным размышлениям об исходе этой погони добавлялись невеселые мысли о том, как мы будем воевать под командованием людей, не способных справиться даже с элементарной боевой ситуацией.

Эвакуация по-американски

Но наши приключения на этот раз не закончились. У моего товарища Димы Забирова «скрутило» живот. Он жаловался на боли весь следующий день и на выезд не поехал. Под вечер ему стало хуже, и санинструктор роты, заподозрив приступ острого аппендицита, связался с базой и вызвал медицинский вертолет. Нам надлежало вернуться и обеспечить для него безопасную площадку. Она была прямо на пустыре рядом с базой, то есть в городе, и по определению безопасной быть не могла. Мы образовали периметр и перекрыли улицы, ведущие к пустырю.

Через несколько минут, словно призрак, с погашенными огнями прилетел американский «Черный ястреб». На подходе вертолета мы запустили пару сигнальных ракет и бросили на место посадки пару сигнальных огней. Как потом оказалось, этого делать не следовало – американцы летают исключительно с приборами ночного видения. Они прекрасно нас видели и без ракет. Получилось, что мы на время ослепили их, и они на секунду включили прожектор. С ходу, без всяких виражей и кругов над площадкой, «вертушка» села, из десантного отсека выскочила группа прикрытия и заняла позиции вокруг вертолета. Димона усадили в «вертушку», и она улетела, пробыв на месте эвакуации не больше минуты. Меня удивила такая лихость, причем в кромешной темноте. Тогда я впервые наблюдал их вертолетчиков в деле.

А диагноз оказался ложным. Димон просто объелся американской жратвы и прокатился на халяву...

Неделю спустя, когда во время разгона беспорядков на автозаправке местные из толпы подстрелили водилу из 3-го взвода Валерку Митина по кличке «Бобер», они прилетели снова. Накачанный обезболивающим, Валерка шутил, когда его грузили в «вертушку», на этот раз среди бела дня, в присутствии толпы местного населения.

Комбат обожал построения...

К концу марта обстановка в стране сильно обострилась. Все чаще нам запрещали покидать территорию базы, и мы занимали там осадное положение. Потом пошли слухи о скором выводе нашего подразделения из Аль-Хая на основную базу в городе Аль-Кут.

Последние дни в Аль-Хае были особенно напряженными. Все наши силы были брошены на охрану базы, вся деятельность за ее территорией была свернута. В первых числах апреля пришла информация о крупной атаке боевиков «Армии Махди» на базу то ли испанского, то ли итальянского контингента (точно не помню). И тогда же офицеры, приехавшие из Аль-Кута, сообщили, что атакованные союзники просили помощи у украинского контингента, но наше командование отказало. Всего лишь слухи, но слышать их было крайне неприятно. Дальнейшее развитие событий, к сожалению, показало, что это вполне могло быть правдой.

Наш вывод из Аль-Хая был намечен на 5 апреля. Несмотря на обострившуюся обстановку, мы не были этому рады. В Аль-Хае командовал «Дольф» (позывной ротного), он не «задалбывал» личный состав никому не нужными построениями, проверками и прочей ерундой. Была только работа, к которой он относился очень требовательно, а в свободное время нас никто не трогал. Единственное, что приходилось иногда делать дополнительно, – заниматься укреплением обороноспособности базы и повышением живучести БТРов. А в Аль-Куте, на базе «Дельта», всем правил комбат, который обожал различные построения, ежечасные переклички, походы строем, сборы, наклеивание бирок и прочие «прелести», после выполнения которых не остается ни времени, ни сил на боевую подготовку. Боль-



Лихо работали американские вертолетчики с группами прикрытия

ше всего нас раздражало, что все эти «загоны» процветали на фоне полного отсутствия у него профессиональной подготовки и способности управлять людьми на войне.

Все местные к тому времени уже знали, что мы покидаем город. Бойцы роты ICDC спрашивали нас про это практически каждый день. Последнее время мы заступали в наряд по охране базы вместе с ними. Постоянное присутствие вооруженных арабов у нас за спиной заставляло нервничать. Не было уверенности, что во время нападения они не ударят нам в спину. Если бы это произошло, наше подразделение могло быть уничтожено за считанные минуты.

Стоят пацаны под каменным «дождем» и тихо матерятся...

Утром 5 апреля я стоял на посту на «Крыше-2». Часов в семь утра из машины, крутившейся по району, мы услышали усиленную громкоговорителем арабскую речь, в которой можно было разобрать только слово «Юкрания». Стало ясно, что речь идет о нас. Напротив находилось две школы – мужская и женская, и я обратил внимание, что школьники не идут в школу в обычное для этого время. Это были явные признаки надвигающейся угрозы.

Спустя полчаса напротив базы начала собираться толпа, что-то гневно выкрикивающая. В сторону базы полетели первые камни. Зазвенели разбитые стекла. Мы не стреляли, командование запретило что-либо предпринимать. Для поддержки нашего вывода с базы «Дельта» прибыло подкрепление во главе с замкомбрига полковником Хмелевым и несколькими офицерами штаба бригады. Разумеется, приехал наш комбат. Но даже прибытие многочисленного подкрепления не остудило рева толпы. Каменный град нарастал. Низкий забор не мог защитить от него. Спустя несколько минут на базе не осталось ни одного целого стекла. На 129-м БТРе камень повредил прицел пулемета. Загрузив под каменным «обстрелом» свои вещи, мы начали готовиться к выезду.

В толпе были явно видны лидеры, руководящие процессом. В конце улицы появились какие-то автобусы, судя по всему, они должны были перекрыть нам путь. Этот беспредел, показывающий нашу «никчемность», сильно бил по самолюбию. Проходя мимо группы старших офицеров 6-й бригады, я услышал, как один полковник сказал: «Сюда бы взвод ОМОН». Но он забыл добавить, что такому взводу прежде всего понадобятся офицеры, способные отдать команду «Фас!» Мы бы и без ОМОНа разобрались, толпа-то состояла, главным образом, из подростков лет четырнадцати. Вместо этого был послан «парламентер» с коробкой сухпаев, чтобы задобрить толпу. Консервные банки арабы презрительно вернули нам вместе с камнями.

Дальше стало еще интересней. Желая, видимо, блеснуть дисциплиной и порядком в отряде перед вышестоящим начальством, комбат объявил построение во дворе базы ВСЕГО личного состава для инструктажа перед маршем, хотя инструктаж можно было провести внутри здания со старшими машин. Напомню, что с крыш близлежащих зданий, до которых было 100 – 200 метров, весь двор просматривался, как на ладони. Выстроили нас, прямо как на расстрел. «Духи», видимо, сами не ожидали от нас такой дури, а то бы перестреляли в этом дворике весь батальон. В общем, стоят пацаны под каменным «дождем», наклонив головы в касках в сторону, откуда камни летят, и лишь тихо матерятся, когда по ним попадают и слушают, как полковник Хмелев доводит порядок построения колонны, потом частоты для переговоров, скорость и дистанцию на марше и т.д. В общем, все строго по уставу! Досталось тогда стоявшим справа, но обошлось без серьезных травм.

Когда эта канитель наконец закончилась, мы разбежались по машинам и покинули этот город под улюлюкание арабов, без стрельбы. А «духи» сняли этот сюжет на видео и показали потом по «Аль-Джазире» под названием «Как украинских миротворцев выгоняют из Аль-Хая».

Рассказ Омара

Здесь следует сделать небольшое отступление и рассказать о том, что произошло дальше в Аль-Хае, после того как мы покинули город. Мы узнали об этом из рассказа нашего переводчика Омара, жителя Аль-Хая, которого встретили пару месяцев спустя.

Боевики пришли в город 3-4 апреля. На тот момент их было около 200 человек. Из нашего ухода они сделали красивую «пиар-акцию». Когда же мы ушли, они явились на базу, вооруженные до зубов, и потребовали бойцов ICDC пустить их внутрь. Те сначала пытались возражать, особенно один сержант, который даже врезал по морде кому-то из «духов». Но боевики заявили, что убьют их самих, их семьи и всех их родственников, и в итоге вошли на базу. Они разоружили солдат ICDC и конфисковали весь их арсенал. Всего им досталось около сотни автоматов, несколько РПГ-7 и куча патронов. Некоторые гвардейцы перешли на их сторону...

Забегая вперед, сделаем отступление. Контроль над Аль-Хаем был полностью утерян. Американцы не могли отправить туда свое подразделение для наведения порядка. 4 апреля начались бои в Наджафе и Фалудже, а спустя еще несколько дней восстание охватило все крупные города на юге Ирака. Аль-Хай на несколько месяцев превратился в бандитский анклав, куда съезжались боевики со всей провинции Васит, проводили там совещания, залечивали раны и вообще чувствовали себя вполне вольготно. Вооруженные группы, не таясь, бродили по городу, палили в воздух из автоматов, взымали «революционный налог» с лавочников и торговцев и торговали оружием прямо на улицах...



■ «Надышались мы пылью заморских дорог...»

(Продолжение следует)

«НУ, КАРАТИСТ, ПОГОДИ...»

Около 14 лет я изучаю и коллекционирую, попутно отрабатывая на себе, знание различных систем самозащиты и рукопашного боя. Мне есть о чем рассказать, но я не считаю себя состоявшимся мастером, ибо чего бы я ни достиг, все равно буду учеником – никто не владеет истиной в последней инстанции.

Я с уважением отношусь к мастерам традиционных систем бокса, кик-бокса, муай-тай и других видов кулачного искусства. Никто не оспорит их квалификацию, так как она оплачена годами тренировок, потом, слезами, а иногда кровью. Однако тут есть проблема. Всегда, рано или поздно, приходит более молодой, сильный, резкий, умелый, нестандартный боец, и спортсмен теряет свою корону, пояс, рейтинг и т.д. Нравится жить в постоянном страхе? А ведь истинными философами боя становятся немногие боксеры, каратэки, вольники-классики.

Могу сказать, что сам прошел немало боев. На мне «отметились» доктор Линдер (МКТА) 8-й дан и даже знаменитый «в узких кругах» Ли Юн-Сян, старший тренер всекитайской сборной ушу.

Я также узнал не с самой лучшей стороны таких популярных товарищей, как Тарас и А. Медведев. Они хорошо известны рукопашникам.

В общем, я учился у тех, кто в первую очередь умеет (либо учит) калечить или убивать врага руками, ногами и только потом биться по определенным правилам в мягком зале, в тепле, при ярком свете и голой пяткой либо в защите.

Я не спорю со спортсменами-рукопашниками, боксерами и прочими представителями «спортивных единоборств». Меня обучали боевым искусствам, а это как «Запорожец» и «Ауди» рядом для сравнения.

В нашей прекрасной, «вечно голой» и сильно демократической стране, где за хищение курицы дают 6 лет колонии, а за миллионы долларов, украденные из казны, – 9 лет условно, где для простых людей нет защиты со стороны закона, я могу надеяться только на себя. В стране, где нападавшие постоянно встают и со словами «ну, каратист, погоди» идут дать тебе по голове чем-нибудь тяжелым, спортивные броски не пройдут.

В боевом искусстве лично для меня есть еще одна сладкая морковка. При правильном (!) состоянии дел в секции, школе боец проходит нужную психологическую подготовку. Его не учат «выигрывать», но он становится спокойным, духовно развитым и может достичь своей (именно своей, а не тренерской) цели, при этом не сползая ни в восточно-показушный шаманизм, ни в очень опасную область видимого всемогущества и «крутизны».

С уважением
Дмитрий Василенко,
г. Саратов.

«Перестаньте изобретать велосипед...»

Здравствуйте!

Прочитал в № 2 за 2005 год журнала «Солдат удачи» письмо В. Сединкина о спортсменах-фантастах. Действительно давно пора называть вещи своими именами. Автор письма почувствовал практическую убогость разных боевых противоборств для реального применения. Чувствуется, что Сединкин искал более оптимальные методы. Но он, как и многие подобные ему, в своем отрицании от отчаяния «выплеснул с водой и ребенка».

Действительно, все народы дерутся одинаково, но из этого совсем не значит, что практика сама оптимизирует действия в бою. Восхваляемый в свое время в отечественной экономике лозунг, что рынок сам все регулирует, привел к бардаку, уничтожающему нашу страну. Так что занятия боевыми противоборствами под девизом «куда вынесет...» приводят к крепкому дилетантизму «дворовых гитаристов»», обходящихся легендарными «тремя аккордами». Между тем пора давно понять, что в природе нет неуправляемых процессов.

К сожалению, так называемые практики – реальные бойцы на одном полюсе и спортсмены-фантасты на другом полюсе – никак не начнут изучать в комплексе практикуемое ими дело. И наука в данном случае лишь поможет таким, как Сединкин, если, конечно, они действительно хотят найти лучшее.

И это лучшее – та самая вершина боевых противоборств, вожделенная для одних и враждебная для тех, у кого она выбивает из-под ног воздвигнутые ими олимпы, – действительно существует. Ответственно заявляю это и готов помочь в изучении и освоении системы – первоосновы для всех боевых противоборств.

Система, о которой я говорю, не компиляция разных методов. Она не вымученная выдумка, а просто реализация, объективно существующего в природе метода. Внешне очень простая, имеющая при этом наилучшие решения для всех ситуаций боя, система дает на семь бед один ответ. Дело в том, что в системе использован так называемый «ключ к движению» совместно с основополагающими законами природы. Знают ли специалисты боевых противоборств «ключ к движению» и основные законы? Потому не устану повторять совет мудрых, разъясняющих человечеству законы: «Потрудитесь больше знать!..» Пора действительно перестать «изобретать велосипед» и лишь следовать законам природы, частью которой мы все являемся.

А. Кольцов,
г. Воронеж.



Первый командир группы «А»

Михаил ЕФИМОВ
Фото из архива автора

О легендарной группе антитеррора «Альфа» написано немало. Особенно о ее нынешней деятельности, сегодняшнем дне.

Но о том, каким было начало, кто стоял у истоков создания этого уникального подразделения мы почти ничего не знаем. Как, впрочем, и о ее первом командире Герое Советского Союза Виталии Бубенине. Его подвиг, совершенный на острове Даманском, как бы заслонил всю его последующую деятельность. А именно Бубенин формировал первую тридцатку бойцов антитеррора нашей страны, делал первые самые трудные шаги в борьбе с террором.

О нем наш рассказ.

Офицеру собраться – только подпоясаться

За окном кабинета догорал августовский день. Начальник погранотряда раскрыл папку с документами. Сверху лежала телеграмма из штаба округа. Он пробежал ее глазами. Остановился. Прочел еще раз. «Что-то тут кадровики напутали...» В первый раз за службу читал такую телеграмму. Но внизу текста стояла подпись командующего войсками округа. Это уже было серьезно.

Начальника политотдела отряда майора Бубенина вызывали в Москву с полным расчетом, с вещами, с семьей... Стало быть, новое назначение получил. Но тогда почему не согласовали с ним? Собственно, он совсем не против служебного роста Виталия Дмитриевича. Мужик толковый, надежный, однако с командиром надо бы посоветоваться. Тем более что прослужил начальник политотдела в отряде всего ничего – три месяца. Сам Бубенин молчал как партизан. Хотя это на него не похоже.

Начальник отряда нажал на селекторную кнопку.

– Виталий Дмитриевич, зайди ко мне.

Вскоре на пороге кабинета вырос начпо Бубенин. Подполковник кивнул, мол, присаживайся, и молча протянул телеграмму.

Майор прочел текст, удивленно взглянул на начальника отряда и опять уткнулся в бумажку. Когда он вновь поднял голову, подполковник прочел на его лице растерянность и удивление.

– Что?! И ты ничего не знал?

Бубенин виновато пожал плечами.

– Командир, за кого ты меня принимаешь?..

Начальник погранотряда забрал назад телеграмму и, похлопывая тыльной стороной ладони по листку бумаги, спросил:

– Понимаешь хоть что-то?

– В Москву срочно переводят, – заключил Бубенин, – с семьей...

– Вот то-то и оно. Ты, когда с Дальнего Востока переводился, такое читал.

– Да, не помню.

– А вот это уточнение: форма одежды – штатская. Для офицера-пограничника?

Бубенин вышел из кабинета начальника весь в догадках. Ясно было только одно: надо складывать чемоданы.

В тот день Виталий Дмитриевич пытался прояснить обстановку с его переводом в Москву в политуправлении округа в Ленинграде, в отделе кадров. Звонил, выяснял. В результате добился разговора с генералом, который расставил все точки над «i».

– Бубенин, – сказал генерал, – ты не выпытывай. Никто ни хрена не знает. Собирайся шустрее.

Ну, как говорят, офицеру собраться – только подпоясаться. Так и Бубенин – передал дела заместителю, сложил пожитки, чемоданы в руки, жену, ребенка и в аэропорт.

В полете немного успокоился. В конце концов в Москве должны были объяснить, что происходит.

Однако там произошли события, которые заставили еще больше задуматься.

Когда самолет коснулся бетонки и зарулил на стоянку и пассажиры стали собираться к выходу, прозвучал голос стюардессы:

– Товарищи пассажиры, прошу всех оставаться на своих местах.

Оставаться так оставаться. Все успокоились, расселись в креслах. Бубенин особого внимания на объявление бортпроводницы не обратил, мало ли зачем просят задержаться. Надо, раз просят. И вдруг услышал:

– Бубенин Виталий Дмитриевич, вы где? Поднимите, пожалуйста, руку.

Жена толкнула его в бок: Виталий, тебя, кажется, спрашивают.

Он поднял руку. Стюардесса поспешила к нему. За ее спиной Бубенин увидел двух парней. Темные костюмы, белые рубашки, галстуки. Сомнений не было, это свои, кагэбешники, разумеется, столичные сотрудники.

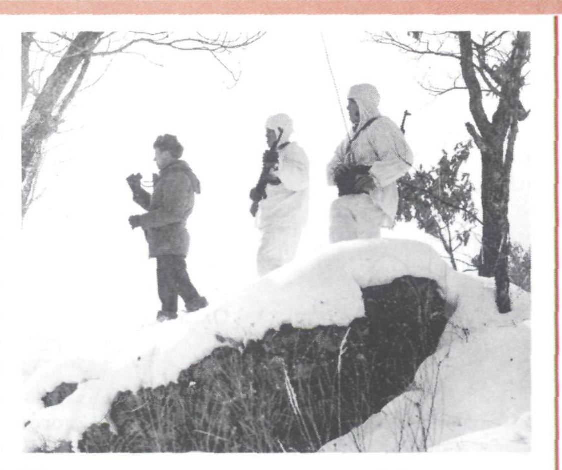
Один из них склонился к Бубенину.

– Виталий Дмитриевич, нам приказано вас встретить и сопровождать. Машины у трапа. – Он протянул серый плащ, темные очки.

Случись подобное сейчас, Бубенин улыбнулся бы: совсем как в детективном кино. Но тогда было не до шуток. В плаще с поднятым воротником, в темных очках, в сопровождении охраны он спустился с трапа. Здесь их ждали две черные «Волги». В первую сел он, во вторую – жена с сыном.

Машины рванули с места...

За окнами пролетала Москва – дома, улицы, прохожие. Автомобили свернули с Садового кольца, нырнули под виадук у Крымского моста и выехали на Фрунзенскую набережную. Поворот, еще один, въезд во двор какого-то дома. Первая «Волга» затормозила у подъезда.



Начальник 1-й погранзаставы В. Бубенин в дозоре

Бубенин с семьей, двое в темных костюмах поднялись на последний этаж дома. Дверь отворилась, и они оказались в большой, светлой, меблированной квартире.

– Располагайтесь, – сказал один из сопровождающих, – здесь есть все необходимое. Просьба одна – из квартиры пока не выходить. Мы за вами заедем.

Когда «охрана» удалилась, Бубенины огляделись. Действительно, здесь было все необходимое: мебель – стулья, кровать, столы, телевизор, телефон; на кухне – холодильник, набитый продуктами.

Бубенин понимал – это одна из оперативных квартир КГБ, но что делали здесь он и его семья, оставалось загадкой. И прежде всего для него самого – Героя Советского Союза, майора, еще вчера начальника политотдела погранотряда.

Он искал и не находил ответа. Понятно, произошло нечто неординарное, что не укладывалось в обычную схему жизни, служебной деятельности офицера Погранвойск. Иначе зачем эта повышенная секретность, автомобили к трапу, плащ в августовскую жару, черные очки, галантные ребята справа и слева. Он не разведчик-нелегал, не резидент, даже не генерал КГБ, а простой майор, каких в Погранвойсках пруд пруди.

Да, Герой Советского Союза. Но стал им не сегодня и не вчера, а пять лет назад. И даже тогда, после событий на Даманском, когда его имя не сходило со страниц газет, его не встречали у трапа, не сопровождали, не прятали, не запрещали выходить за порог.

Стоп! Даманский. Бубенин вдруг отчетливо понял, дело именно в Даманском. Все, что было с ним потом, никак не тянуло на подобный

детектив. Учеба в академии, служба на границе... Будничнo, обыденно, привычно.

Заныло под ложечкой. Неужто китайцы припомнили ему тот февральский день 1968 года? Тут есть о чем подумать. Кто знает, по-всякому можно повернуть те события, и не дай бог никому попасть в жернова большой политики.

А ведь он уже попадал. Ох, попадал. Неужто опять вспомнили?

Горький чай

Вечером, уложив спать уставших с дороги жену и сына, Бубенин долго пил чай на кухне. Это потом, через много лет, лидер группы «Машина времени» Андрей Макаревич напишет очень точные слова о страдающем, любящем человеке, романтичная женщина которого летала по ночам, а он пил на кухне «горький чай».

В тот вечер Бубенин понял, каков он «горький чай» вне зависимости от количества сахара в стакане. Его вновь догнал Даманский... Тот маленький заснеженный остров на границе с Китаем.

...К февралю 1968 года провокации китайцев на участках 1-й и 2-й пограничных застав 57-го погранотряда стали почти регулярными.

Три месяца назад, накануне празднования 50-летия Октябрьской революции, радиоприемник, работающий на заставе, неожиданно «поперхнулся» и замполит услышал сначала мелодию песни «Русский с китайцем братья навек», а потом слова диктора. На весьма приличном русском языке он заявил: «Дорогие советские граждане, временно проживающие на китайской территории». Потом он будет так обращаться каждый день на протяжении нескольких месяцев.

Замполит лейтенант Кочкин сначала не поверил своим ушам, а потом, опомнившись, поспешил доложить о неизвестной радиостанции начальнику заставы.

— Стало быть, это мы с тобой, замполит, и есть те самые граждане, — резюмировал лейтенант Бубенин.

Теперь передачи радио станут регулярными. Китайские пропагандисты будут поливать грязью Советский Союз, коммунистическую партию, обвиняя их в сговоре с империализмом. Отныне международные договоры между Пекином и Москвой толковались как неравноправные, границы несправедливые. Хабаровский и Приморский край объявлялись территорией Китая.

Вслед за той передачей 6 ноября 1967 года группа китайцев вышла на лед реки Уссури, нарушив Государственную границу. Оказавшись на советской территории, китайцы стали долбить лунки, деловито, словно у себя дома, устанавливали рыбацкие сети.

Тогда впервые перед лейтенантом Бубениным встал извечный русский вопрос: что делать? Оружие применять ни в коем случае нельзя, но нарушителей надо выдворять с советской территории. Из погранотряда получили указание: подойти на безопасное расстояние к китайцам и рукой дать отмашку. Это означало, что советская сторона требует покинуть территорию СССР.

Первый опыт оказался неудачным и смешным, несмотря на серьезность ситуации. Он махал, махал рукой, а китайцы не реагировали. Не произвело на них впечатления и требование вернуться к себе.

После доклада Бубенина в отряд стало ясно: там тоже, судя по всему, не знали что делать. Китайцев задерживать не разрешили, приказали мирно выдавливать с нашей территории.

Однако возникал вопрос: мирно это как, если в руках у китайцев ломы, топоры, пешни?

Словом, решение надо было принимать самому. С одной стороны, не спровоцировать вооруженный конфликт, с другой — защитить границы, выдворить нарушителей восвояси.

Приказал: взявшись за руки, цепью начать вытеснять китайцев. Однако китайцы мирно «вытесняться» не желали. В ход они пустили ломы и топоры. Завязалась драка.

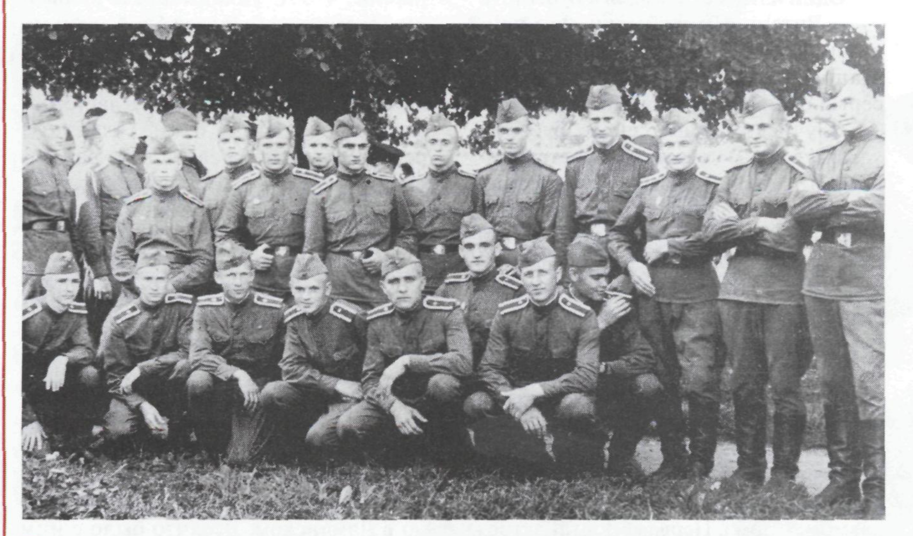
Противостоять нашим крепким, хорошо подготовленным, закаленным парням малорослые нарушители не смогли. Пограничники пинками гнали их до самой границы.

Это было первое столкновение с китайцами. Утром 7 ноября они появились снова. А потом в течение ноября и декабря несколько раз нарушали границу, выходили на северную оконечность острова Киркинский. И снова пограничники 1-й заставы во главе с начальником лейтенантом Виталием Бубениным выдворяли нарушителей. Те оказывали сопротивление, дрались.

Однако, судя по всему, драк китайцам было мало. Они всеми силами пытались спровоцировать советских пограничников на вооруженный конфликт — высылали военные патрули, чтобы обойти наши острова Буян и Большой, выходили на лед с плакатами, портретами Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, размахивали цитатниками Мао, громко кричали, скандировали. Всякий раз количество нарушителей увеличивалось. Если 6 ноября на лед вышло всего 12 человек, то потом число китайцев росло в геометрической прогрессии — 30, 70, 100 человек. Теперь это были уже не «мирные» рыбаки, которые при виде советских пограничников испуганно сбивались в кучу, а агрессивно настроенные молодые люди, привезенные на границу из центральных районов Китая. Лозунги и плакаты носили политическое содержание, а территориальные притязания становились все настойчивее и увереннее.

Провокации следовали одна за другой, порой по три-четыре раза в неделю. Тактика действий китайцев постоянно менялась. Чувствовалась рука хорошего закулисного режиссера.

Однажды они жестоко избили своего соотечественника и, неожиданно схватив за руки, бросили его безжизненное тело к ногам советских пограничников. Разумеется, сценарий был заранее известен китайским фотокор-



Курсант В. Бубенин (третий слева в первом ряду) среди сослуживцев

респондентам и кинооператорам. Те быстро засняли избитого «мирного» рыбака, лежащего у шеренги пограничников. Назавтра этот снимок с подачи китайцев растиражируют многие мировые информационные агентства.

Советский Союз в очередной раз промолчит.

Костью в горле у китайских провокаторов стал он сам, начальник 1-й погранзаставы. Китайцы чувствовали, что ребят-пограничников, готовых сорваться в горячей драке, сдерживает хоть и молодой, но уже достаточно опытный и расчетливый лейтенант. Это он всякий раз на хитроумные китайские провокации находил умелый, адекватный ответ.

Бубенин вспомнил, как однажды, после очередного «ледового побоища», оглядывая кровоподтеки, ссадины, раны подчиненных, он мучительно думал, что противопоставить китайцам? Оружие применять нельзя. Но тогда что? Ведь отражать натиск «китайских орд» становится все труднее и труднее. Они все больше наглели. Теперь, как правило, на их стороне был и численный перевес.

Однажды его осенило. А если использовать старое, традиционное оружие сибирских охотников на медведя – рогатину. Попробовали. Оказалось, очень эффективная штука. Когда толпа китайцев пыталась сблизиться с пограничниками, те выставляли рогатины вперед. Использование «чудооружия» приводило нарушителей в замешательство. А для тех, кто все-таки лез на рожон, пограничники припасли еще одно действенное средство из арсенала древних сибиряков – увесистые дубины. Вот ими и охаживали наиболее агрессивных китайцев.

Кстати говоря, вскоре «бубенинские» рогатины и дубины получили свое распространение по всему погранотряду. Командир отряда полковник Леонов, ознакомившись с «чудооружием», одобрил его применение и издал специальный приказ, который предписывал всем заставам внедрить в жизнь «рацпредложение» лейтенанта Бубенина.

Были у него и другие придумки для провокаторов. Как говорили на заставе, «на хитрую китайскую жопу мы всегда найдем член с винтом».

Вот за это и ненавидели его китайцы. Люто ненавидели. Даже устраивали охоту. Первыми это почувствовали подчиненные Бубенина.

А он, когда стал замечать, что во время «ледовых побоищ» всегда рядом с ним оказывается парочка самых крепких его пограничников, так прямо и спросил:



Героев Даманского принял Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный

– Вы чего меня пасете, как красну девку?

Пограничники засмущались, но потом разъяснили, мол, подкарауливают вас, товарищ лейтенант. Сначала не поверил. Потом и вправду, когда напал на него огромный китаец с кулаками размером почти с пудовые гири, понял: правы ребята. Они-то его и спасли от китайца, поскольку у нас был не только «винт», но и настоящие здоровяки, бойцы-сибиряки, которые могли уложить самого крупного и агрессивного китайца.

И все-таки хунвэйбины подстерегли и выкрали нашего офицера. Но им оказался не Бубенин, а капитан Степонавичус из штаба отряда. Они уже затолкнули капитана в кузов машины, отобрали табельное оружие, но потом, разглядев, что это не Бубенин, выбросили его на лед.

В кулачных боях местного значения прошел почти весь декабрь. Но к новогодним праздникам китайцы неожиданно убрали с границы своих многочисленных провокаторов. Наступило тревожное затишье. Надолго ли? Такой вопрос задавали себе пограничники. Оказалось, ненадолго.

«Вы подписали себе приговор...»

Уже 3 января на участке его заставы Государственную границу нарушили около 500 человек. Поначалу он не поверил этой цифре, поскольку сам находился в отрыве от заставы, уехал в Иман, чтобы зарегистрировать брак. Жене вскоре предстояло рожать, а жених все никак не мог выбрать время отвести любимую женщину под венец.

Когда после регистрации «молодые» возвратились в отрядную гостиницу, у дежурной Бубенина уже ждала записка – явиться к начальнику отряда полковнику Леонову. Вот он и обрадовал – краткосрочный отпуск у лейтенанта, не начавшись, закончен, а на Каркинский вышло 500 человек.

Вместе с резервом отряда – маневренной группой, забрав жену из гостиницы, он срочно двинул тогда на родную заставу.

Откровенно говоря, было не по себе. Полтысячи разъяренных китайцев, это уже не двенадцать «мирных» рыбаков и даже не пятьдесят. Вместе с отрядным резервом его застава сильно проигрывала китайцам в количественном отношении.

Через 35 лет в своей книге «Кровавый снег Даманского» он так опишет то страшное побоище.

«Несколько сот разъяренных провокаторов пытались с ходу атаковать нас еще при подходе к острову и не дать нам развернуться. Пользуясь многократным превосходством, они старались окружить нас. Но опытные офицеры и солдаты мангруппы не дали им этого сделать и продолжали теснить китайцев. Завязалась жестокая рукопашная схватка.

Мы выставили все автомобили посередине реки и включили все фары, ослепляя китайцев. Это здорово нам помогло.

До глубокой ночи шло ожесточенное сражение. Треск дубин и прикладов, крики ярости и просьбы о помощи, стоны, мат – все слилось в сплошной рев.

Вскоре обе стороны стали вытаскивать из этой схватки раненых и изувеченных. Картина жуткая. И никто никого не мог выбить с острова. Мы просто дрались. Нападали и защищались, атаковали и отходили, падали и вновь поднимались. Порой было трудно разобрать, где свои, а где чужие. Далеко за полночь схватка стала потихоньку затухать.

...Китайцы целенаправленно поднимали уровень напряженности с каждым разом все выше и выше, стремясь спровоцировать нас на открытие огня».

И этот раз пришел, но, к счастью, применил он тогда не оружие, а бронетехнику. Иного выхода просто не



Виталий Бубенин на встрече с пионерами

было. Даже теперь, через пять лет, сидя на кухне в оперативной квартире в Москве, отхлебывая холодный, горький чай, он чувствовал, как возвращается к нему то состояние – дрожь во всем теле, тошнота, липкий пот, заливающий лицо.

Случилось это в феврале 1968 года. Один из секретов доложил на заставу, что огромная колонна китайцев с плакатами, лозунгами движется в сторону острова. Старший наряда терялся в примерном подсчете количества нарушителей, называл человек восемьсот. Позже выяснилось, в тот день на лед вышла тысяча китайцев.

Он как сейчас помнит эту темную, зловещую, повернутую к ним спинами людскую толпу, которая растеклась, словно черный дракон, по всему острову.

Помнит и горстку его пограничников, растянувшуюся в две шеренги, в две тонкие ниточки.

От многосотенной китайской толпы исходила зловещая опасность. Это чувствовал он, лейтенант Бубенин, это чувствовали его пограничники. Однако на их лицах не было испуга. Его ребята сосредоточенны, собранны, готовы к бою.

А на импровизированной трибуне, которую соорудили китайцы, один оратор-горлопан сменял другого. Их криками приветствовала толпа. Звучали цитаты Мао, их хором повторяли китайцы. Гремели барабаны оркестра. Толпа ревела.

По команде они развернулись и бросились на шеренги советских пограничников.

«Тысяча отборных, крепких, здоровых, разъяренных бойцов, – расскажет он через десятилетия на страницах той же книги, – *схватились в смертельной схватке. Мощный, дикий рев, стоны, вопли, крики о помощи далеко разносились над великой рекой Уссури.*

Треск кольев, прикладов, черепов и костей дополнял картину боя. На многих автоматах уже не было прикладов. Солдаты, намотав ремни на руки, бились тем, что от них осталось.

А громкоговорители продолжали вдохновлять бандитов. Оркестр ни на минуту не умолкал.

Напряжение достигло предела. В какой-то момент я вдруг четко осознал, что может произойти что-то непоправимое. Решение пришло неожиданно...»

...Бубенин встал, подошел к окну. На набережной тускло светили фонари, отражаясь стальными бликами в водах Москвы-реки. Умолкли шумные аттракционы парка культуры и отдыха на противоположном берегу, погасило свою огромную гирлянду кольцо обозрения, оставив на самой верхушке мерцающие рубиновые сигнальные огоньки. Столица засыпала.

Он не раз возвращался в мыслях к тому самому страшному побоищу и к своему неожиданному решению. Может, и не прав был, как считал кто-то в отряде. Может, и в самом деле не по чину-должности много взял на себя.

А если бы не взял? Если бы не вскочил в БТР и не приказал механику-водителю направить машину на толпу китайцев? Они просто смели бы его пограничников, раздавили, затоптали. Даже оставшись потом в живых, какими бы ушли они в последний свой бой 2 марта. Испуганными, морально надломленными или пусть и побитыми, но не побежденными.

Китайцы обвинили его тогда, что он задавил четырех человек. Четырех «мирных рыбаков». На своей стороне, на виду у советских пограничников, установили гробы, как всегда, повесили лозунги, плакаты, и начались бесконечные митинги. Днем и ночью грузовики подвозили свежие силы – молодых, разъяренных людей. Гремела радиоустановка.

В погранотряде его поступок тоже был воспринят неоднозначно. Оживились особисты, уголовное дело завела военная прокуратура. На заставу прилетел сам начальник разведки Погранвойск генерал Киженцев с группой офицеров.

Бубенин до сих пор помнит, как по приказу генерала снарядили разведгруппу с ним во главе. Задача такова – скрытно ночью подобраться к китайцам, вскрыть гробы и определить, есть там трупы или нет.

Он взял в этот рейд самых опытных, проверенных подчиненных.

Подползли. Открыли гробы. В них действительно находились замерзшие трупы. Те ли, которых якобы он сбил, другие, трудно сказать. Но трупы были, факт.

Так он и доложил генералу Киженцеву по прибытии, ничего не утаил. Начальник разведки внимательно выслушал его, пограничников, задавал наводящие вопросы и все больше хмурился, мрачнел.

В конце беседы он долго молчал, потом глухо, тяжело спросил:

– Вы понимаете, лейтенант, что подписали себе приговор?

Да, он это прекрасно понимал. Там, на «ледовом побоище», у него не было выбора – не останови он китайцев, потеряй своих солдат – приговор. Остановил нарушителей границы, сбил – не сбил, надо еще доказать – опять приговор.

Трудно сказать, почему тогда закрыли уголовное дело, не состоялся «приговор», о котором говорил генерал. Ходили слухи, что, когда об этом происшествии доложили Генеральному секретарю Леониду Брежневу, он ответил: действия пограничников следует одобрить. А может, мартовские события 1969 года «помогли». Получилось на войне как на войне – после Даманского выходило не под приговор подводить надо, а награждать. Наградили.

Но кто знает, что произошло в верхах за эти пять лет. Может, китайцы вновь вспомнили засевшего им в печенки начальника заставы. Иного объяснения Бубенин для себя не находил.

«Бракованный» парень

На следующее утро за ним приехали те же сотрудники, что встречали в

аэропорту. Куда теперь лежал его путь? Может, в прокуратуру? Оказалось, на площадь Дзержинского, нынешнюю Лубянку, в управление Пограничных войск КГБ СССР.

Началось хождение по высоким кабинетам. Сопровождающий провожал его в приемную какого-то начальника и докладывал дежурному офицеру.

– Майор Бубенин...

Офицер понимающе кивал и заходил к шефу. Через минуту-другую майора приглашали в кабинет. Виталий Дмитриевич чувствовал, что это какие-то большие начальники Комитета госбезопасности, но, кто эти люди, оставалось загадкой.

Сами они не представлялись, одеты не в форму, а в штатские костюмы, так что об их званиях можно было только догадываться. Майор с границы, для которого начальником является командир погранотряда, а командующий войсками округа – заоблачная высота, разумеется, не знал и не мог знать высший эшелон руководителей Комитета госбезопасности. А это были именно они. Позже Бубенин узнает, что водили его по кабинетам членов коллегии КГБ, и те самые штатские, интеллигентные, негромкие собеседники майора имели звания генерал-полковников и возглавляли ведущие Главные управления.

Но тогда лампасов он не видел, погон с большими звездами, перед которыми обычно теряется гарнизонный войсковой люд, тоже, потому и не робел, отвечал прямо, честно, открыто – что знает, как думал.

Поразительно, но первый день собеседований для прояснения его судьбы ровным счетом ничего не дал. Высокие начальники, как казалось ему, говорили обо всем, только не о том, зачем его вызвали в Москву.

Первый из них, усадив Бубенина за приставной столик, в руководящем кресле не остался. Присел напротив. Седой, в очках в легкой золоченой оправе, глаза с какой-то искринкой-усмешкой цепко перехватывают взгляд Бубенина и уже не отпускают. Вопрос – и цепкий взгляд глаза в глаза.

«Рентген какой-то, да и только», – мелькнуло в голове Виталия Дмитриевича. Казалось, сейчас он подкинет такой вопросик, что поплывешь ты, майор, большими гребками.

Но «Рентген» неожиданно спросил про место рождения, школу, в которой учился, про родителей.

«Родился в Николаевске-на-Амуре, – рассказал он, – в Хабаровском крае. С 1948 года жил с отцом и матерью в селе имени Полины Осипенко. Учился. Среднюю школу окончил в 1958 году. Поступил в техническое училище при заводе Дальэнергомаш. Оно готовило рабочие кадры для себя. После его окончания трудился на этом заводе слесарем по ремонту промышленного оборудования.

В 1961 году поступил в пограничное училище».

Виталий Дмитриевич задумался. Все было, конечно, не так быстро и не так складно, как доложил он. Но зачем «Рентгену» эти подробности, например, о том, как еще в школе серьезно заболел двусторонним воспалением легких. Болел долго. Много пропустил времени в школе, и в сентябре пришлось вернуться в тот же класс. А когда окончил школу, ему было уже восемнадцать. Как и положено, сразу после выпускного – в военкомат и на призывной пункт. Подстригли «под ноль» и на медкомиссию. А медкомиссия в области тогда была очень строгая. И вроде бы у него все хорошо, да придрался врач, как призывники его называли меж собой, «ухо-горло-нос». Разглядел, что перегородка в носу искривленная.

Откровенно говоря, такое могло случиться. В их поселковой школе была секция бокса. Бегал туда и Виталий, боксировал. Бил он, случалось, били и его. В том числе и по носу. Каких-то болей не чувствовал, но, поди ж ты, доктор углядел искривление. От армии его отставили, не то чтобы насовсем, но дали отсрочку.

Вернулся он в родной поселок имени легендарной летчицы Полины Осипенко. Но лучше бы не возвращался. Экий позор, в армию не взяли, «бракованный», значит, парень. Разве каждому объяснишь, мол, искривление, отсрочка временная. Девчата нос воротят, на улице пусто, все его одногодки уже служат, а он «нулевой» прической отсвечивает.

Махнул тогда с досады в Хабаровск, поступил в техническое училище. Пока учился, осваивал слесарное дело, потом на заводе работал, не успел оглянуться, а ему уже двадцать второй годок. Ребята-одноклассники, друзья скоро из армии вернутся, а он еще и шинель не примерил. Непорядок.

Пошел в военкомат: заберите, пора отдать долг Родине. Там прикинули, у парня среднее образование, за плечами техническое училище, трудовой стаж, с завода отзывы хорошие и предложили пойти в Военно-морское училище, что во Владивостоке. Согласился, прошел военно-медицинскую комиссию. Странно, но на сей раз врачи состоянием его носа остались вполне довольны.

Стал ждать вызова. А вызова все нет. Опять – в военкомат. Там говорят, мол, нестыковочка вышла, недоглядели, не проходишь ты, Бубенин, по возрасту. Тебе на 1 сентября уже 22 года исполняется, а по закону гражданские кандидаты поступают только до 21 года. Опять незадача.

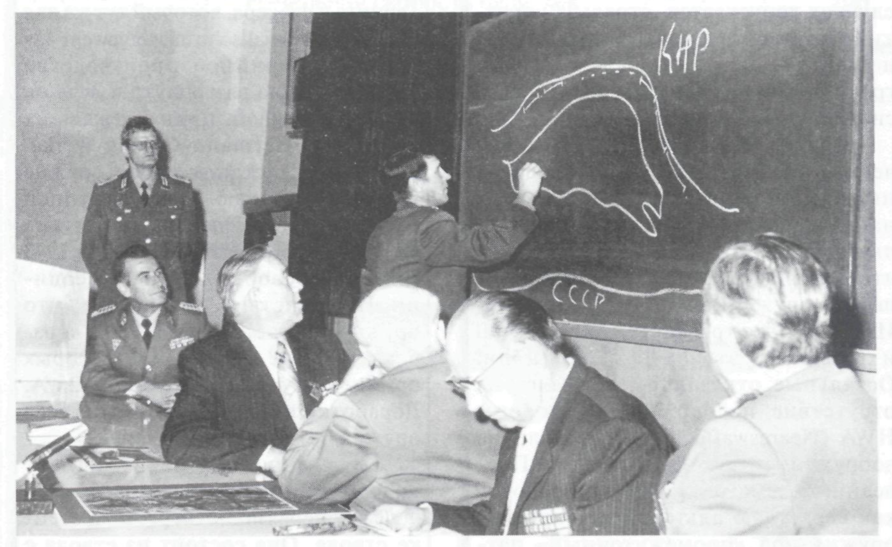
Видимо, офицеру военкомата, с которым беседовал Бубенин, стало жаль парня и он предложил: «В пограничное училище пойдешь?»

– А возраст?

– Туда в самый раз...

Отказаться? Значит, возвращаться слесарить на завод или уезжать назад в поселок. Там семья немалая, без него пятеро детей – два брата и три сестры. А он хотел учиться, но понимал, в гражданский вуз ему дорога заказана, не смогут родители помогать, не вытянут. И Виталий дал согласие.

(Продолжение следует)



Офицеры ННА ГДР узнали о событиях на Даманском из рассказа В. Бубенина

Разработка германской автоматической винтовки FG-42 (Fallschirmjagergewehr mod. 1942 г.) под штатный винтовочно-пулеметный патрон Маузера была начата летом 1941 г. в специализированном КБ люфтваффе по настоянию командования германских воздушно-десантных войск (ВДВ). Связано это было с тем, что эти войска – гордость рейхсмаршала Геринга, шедшие с начала войны от победы к победе, неожиданно понесли большие потери при высадке в мае 1941 года на остров Крит. Немецкие парашютисты по отработанной ими тактике приземлялись практически безоружными (если не считать пистолетов), а оружие и боеприпасы сбрасывались им в отдельных тюках. Значительные потери немцы, неудачно высадившиеся на Крите перед позициями противника, понесли за время, пока они освобождались от парашютных подвесок и разыскивали тюки с оружием и соответствующими ему боеприпасами. Потери двух немецких дивизий на Крите составили 6.650 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

После этого немецкие парашютисты пожелали иметь автоматическое оружие, допускающее десантирование совместно с ним. Для этого длина оружия не должна была превышать 100 см при весе не более, чем у штатного маузеровского карабина 98K (3,9 кг). Обязательное условие – использование штатного винтовочного маузеровского патрона. Основной вид огня – одиночный самозарядный. В исключительных случаях допускается стрельба короткими очередями. Обязательны наличие штыка и возможность использования гранатометного насадка и оптического снайперского прицела.

В июне 1941 года тактико-технические требования (ТТТ), основанные на отмеченных пожеланиях, были направлены испытательным центром люфтваффе GL/C E-6 из Тарневиц, что недалеко от Любека, в адреса шести оружейных производителей. Из них только три (Mauser, Rheinmetall и Krieghoff) это задание приняли. Остальные отказались, ссылаясь на отсутствие поддержки со стороны HWA (Heereswaffenamt – управление вооружением сухопутных сил). Последние рассматривали эту разработку как серьезную альтернативу проекту оружия под «промежуточный» патрон (будущему StG – «штурмгеверу»).

По итогам конкурса предпочтение было отдано разработке LC-6 Луиса Штанге из берлинского филиала концерна Рейнметалл-Борзиг. Талантливый немецкий оружейник Штанге, некогда слесарь у Луиса Шмайссера и впоследствии создатель единого пулемета MG-34, справился с задачей, которую специалисты из HWA считали невыполнимой. Опытная модификация винтовки под индексом LC-6/III, весившая 4,15 кг (без приставного магазина), вызвала восторженные отзывы рейхсмаршала Геринга и фюрера, который тут же дал ей название «Fallschirmjagergewehr 42» (FG-42). Серийное производство винтовок было развернуто в Зуле на заводах Krieghoff, принадлежавших концерну Hermann-Gering-Werke. В боевых действиях новое оружие впервые было использовано группой СС гауптштурмфюрера (капитана СС) Отто Скорцени 12 сентября 1943 года при освобождении Муссолини. Впоследствии выяснилось, что оружие нуждается в серьезных доработках, после выполнения которых оружие получило индекс FG-42n/A. Доработки вызвали увеличение веса оружия без магазина до 5 кг.

Автоматика винтовки работает на принципе отвода пороховых газов через поперечное отверстие в стенке ствола. Она состоит из ствола с газовой камерой и пламегасителем, затворной коробки, приклада с амортизирующей пружиной, двуногой сошки, затворной рамы с затвором и двумя пружинами (возвратной и боевой), спускового и ударного механизмов прицельного приспособления, состоящего из мушки и диоптрического целика. Мушка и целик расположены на складных (поворотных) стойках. Запирание канала ствола производится поворотом затвора двумя боевыми упорами, симметрично расположенными у переднего торца затвора. Особенностью этого запирания является то, что в конце отпирания боевые упоры, скользя по скосам казенника, приобретают некоторую скорость в направлении отката. Благодаря этому затвор присоединяется к затворной раме с меньшей скоростью. Ударный механизм ударникового типа, разбитие капсюля осуществляется за счет энергии двух пружин – возвратной и боевой. Спусковой механизм, расположенный в спусковой коробке, позволяет вести одиночный и автоматический огонь, причем автоматический огонь производится с заднего шептала, а одиночный – с переднего при некотором недоходе затворной рамы к пеньку ствола. Переводчик огня флажкового типа расположен слева спусковой коробки. Предохранитель от случайных выстрелов, также флажкового типа, находится за переводчиком сзади спусковой коробки. Спусковая коробка снабжена рукояткой управления огнем. Питание патронами осуществляется из коробчатого, приставного слева и горизонтального двадцатизарядного коробчатого магазина с шахматным расположением патронов и двухрядным их выходом. Газовая камера закрытого типа размещается на середине ствола, снабжена регулятором с четырьмя отверстиями разных диаметров. Затворная коробка имеет накладную планку для крепления оптического прицела и места для установки гранатометного прицела.

Автоматическая винтовка **FG-42n/A**



Мортирка гранатомета устанавливается на резьбе после свинчивания дульного тормоза-пламегасителя. Винтовка имеет приставной игольчатый, четырехгранный штык длиной 295 мм, который в походном положении устанавливается под стволом острием назад. Этот штык без каких либо доработок заимствован у французской винтовки MAS 36.

В середине 50-х годов прошлого столетия автоматические винтовки FG-42 и FG-42n/A, находившиеся в оружейном собрании НИИ-61, обратили на себя внимание конструкторов этой организации. В результате проведенных небольших исследований достаточно высоко была оценена винтовка FG-42n/A. Одна из них была разрезана с целью определения марок сталей и термообработки. Стрельбовая проверка давала неплохие результаты, если стрельба велась патронами с легкой пулей, на минимальном газовом отверстии и очередями не более чем по три выстрела. По мнению отечественных специалистов, на этом оружии немцы использовали недостаточно качественные стали. Стрелки обращали внимание на большое дульное пламя и сильный звук.

В 1995 году в Чечню были направлены винтовки СВУ АС разработки конструктора Тульского ЦКИБ СОО Л. Бондарева. В принципе это были FG-42, но выполненные на более высоком техническом уровне. Автоматический огонь в винтовку СВУ был введен по настоянию военнослужащих, использовавших ее в антитеррористических операциях. Высокая оценка винтовке СВУ АС была дана при ее испытаниях в Тульской дивизии ВДВ.

Основные характеристики

Калибр, мм	7,92
Вес винтовки без магазина, кг	4,98
Вес магазина с 20 патронами, кг	0,8
Длина винтовки без штыка, мм	975
Длина ствола (без пламегасителя), мм	500
Темп стрельбы, выстр/мин	680
Начальная скорость пули, м/с	720





Владимир МОСАЛЁВ
Вадим УШАКОВ
Фото из архива авторов

Захватить Норьегу!

(Боевое использование сил специальных операций США при захвате Панамы)

Американская операция «Джаст Коз» (Just Cause) по захвату Панамы (19 декабря 1989 – 16 января 1990 гг.) явилась самой крупной ночной операцией после Второй мировой войны. По мнению командования вооруженных сил США, она показала, что при соответствующих подготовке и управлении ночные операции станут не только возможными, но и во многих случаях более предпочтительными, чем дневные. Боевые действия в операции «Джаст Коз» свели к минимуму потери американцев и в то же время вызвали полную растерянность, нарушили управление и дезорганизовали сопротивление противника.

Подготовка к вторжению

Операция «Джаст Коз», по сути, явилась обычной демонстрацией возможностей вооруженных сил США. Боевые действия велись в ночное время против слабого противника при почти полном отсутствии противодействия с его стороны.

Поводом для проведения операции «Джаст Коз» по захвату Панамского канала, как известно, явилось намерение Панамы освободиться от американской зависимости и согласно заключенному в 1977 году с США договору к 2000 году взять под свой полный контроль судоходство по Панамскому каналу и ликвидировать американские военные базы в этом районе. Такая перспектива ущемляла интересы США, что, разумеется, не могло не повлечь за собой силового варианта развития событий, особенно в отсутствии на мировой арене достойного противовеса Америке. Как и всегда в подобных случаях, США обосновали свои действия необходимостью «защитить и восстановить демократию, предотвратить распространение коммунизма, освободить американских граждан и ликвидировать наркотрафик».

Успешному проведению операции при минимальных потерях, помимо подавляющего превосходства в силах и наличия современных вооружений, способствовал ряд существенных обстоятельств.

Тщательное планирование операции началось не менее чем за полгода до ее начала. Так, детальный план использования авиации разрабатывался в течение 6 месяцев в центре воздушных операций, созданном на авиабазе Ховард в районе Панамского канала. Детальное планирование полетов авиации позволило использовать в первые часы операции до 150 вертолетов и такое же количество самолетов, действующих в темное время суток в воздушном пространстве, площадь которого составляла всего 1.024 км^2 (32х32 км). При этом не произошло ни одного случая столкновения авиации в воздухе, не поступало даже докладов о предотвращении столкновений! Этому способствовали тщательные повременные расчеты воздушных



Идет загрузка войск, боевой техники и снаряжения для переброски из США в Панаму



Вертолеты АН-64 «Апач» по ночам совершали полеты над объектами, которые впоследствии стали целями

маршрутов, высот и районов оперативного использования различной авиации. Так, действия вертолетов, в частности, были ограничены высотами ниже 360 м, что не допускало их столкновения с самолетами. Кроме того, для вертолетов были выделены 3 передовых района дозаправки: юго-западнее авиабазы Ховард, севернее Панама Сити над каналом и в Форт Шерман на северном побережье Панамы. Интересен тот факт, что в это время не были задействованы даже радиолокационные станции и наземные авиадиспетчеры управления воздушным движением. Общую координацию действий авиации сил специальных операций и армии обеспечивало управление авиационных операций, в котором находились офицеры связи, представлявшие авиацию ССО, армии и ВВС.

Для участия в операции были заблаговременно сосредоточены большие контингенты сухопутных войск (4 дивизии, бригада, полк рейнджеров, группа спецопераций, авиагруппа ССО, авиабригада, батальон авиаполка, ВВС (авиакрыло ССО, различные подразделения авиации) и ВМС (пять взводов разведчиков-диверсантов SEAL, 8 патрульных катеров).

Задолго до начала операции размещенные в Панаме на постоянной основе части и подразделения вооруженных сил США проводили еженедельные специальные тренировочные учения под общим названием «Сэнд Флеас» и общие учения под названием «Пепл Стомз», в ходе которых отрабатывались различные варианты действий. Другая серия учений по отработке готовности использования сил по конкретным объектам была проведена в июле. Одно из этих учений, например, предусматривало отработку воздушных операций с авиабазы Ховард в Форт Амадор. Для панамского руководства эти учения представлялись как отработка задач усиления охраны или замены сил в Панаме. Незадолго перед началом операции подразделения 5-й механизированной дивизии были развернуты для «учений в джунглях», а к началу операции оказались в Панама Сити.

Непосредственно перед операцией в Панаму были переброшены дополнительные силы ССО и армейской авиации. Так, за несколько дней до событий в страну на самолетах С-5 были доставлены 20 вертолетов МН-6 и АН-6, которые были разгружены ночью и сразу же спрятаны в 2 ангара, где тайно хранились до 20 декабря. Вертолеты поиска и спасения НН-53 и МН-60 перелетели в страну самостоятельно в ночное время и также были спрятаны в ангарах. Кроме того, в конце ноября в Панаму были доставлены 6 вертолетов АН-64 «Апач». В дневное время они находились в ангарах, а по ночам совершали полеты над объектами, которые впоследствии стали целями. В ходе операции наращивание сил в Панаме продолжалось. Высокая готовность американцев подтверждается тем фактом, что первый бросок воздушного десанта в Панаму был осуществлен уже через 53 часа, после того как президент Буш принял решение об осуществлении интервенции.

Выбор сроков проведения операции был приурочен к рождественским праздникам, когда большая часть офицеров, сержантов и солдат панамской армии была отпущена на рождественские каникулы, а боеготовность и бдительность дежурных сил ослабла. В ходе столкновений американцы отмечали, что на многих армейских объектах Панамы не находилось и половины от того количества личного состава, которое они ожидали встретить. Так, например, из нескольких полностью заправленных топливом и боеприпасами БМП «Коммандо» V 150 2-го пехотного полка Панамы, расквартированного в районе аэродромов Омар Торрихос и Токумен, только три пытались оказать какое-то сопротивление высадке десантов, два из которых были сразу же уничтожены самолетом АС-130, а оставшийся — высадившимися рейнджерами.

Выбор времени начала операции (час ночи) предусматривал проведение



Оказывающие сопротивление высадке десантов войска Панамы уничтожались огнем АС-130


Рейнджеры готовятся к воздушной атаке

основных боевых действий в темное время суток. В связи с этим весь личный состав авиации, ССО и наземных сил использовал приборы и очки ночного видения, которые позволяли не только наблюдать за объектами атаки, но и отличать панамских солдат, имеющих аналогичную форму, от американских, на касках которых были повязаны специальные видимые ночными приборами ленты.

Действия американской авиации осуществлялись без какого-либо противодействия со стороны ПВО и авиации противника, неорганизованные спорадические обстрелы с земли происходили только с применением легкого стрелкового оружия отдельными панамскими солдатами и были малоэффективны.

Основные задачи первых часов операции, фактически решившие ее исход, были возложены на ССО армии, ВВС и ВМС, как на наиболее подготовленные подразделения, способные скрытно проникать в тылы противника, быстро и решительно действовать малыми силами по наиболее важным объектам.

Силы, привлеченные к проведению операции «Джаст Коз», были сведены в объединенное оперативное соединение «Юг» – ООСЮ (Joint Task Force South), в составе которого были сформированы: оперативное соединение сухопутных войск, оперативное соединение авиации и объединенное оперативное соединение специальных операций.

В состав оперативного соединения сухопутных войск входили: 1-я бригада 82-й воздушно-десантной дивизии (4,5 тыс. человек), 5-я и 6-я механизированные дивизии, 7-я легкая пехотная дивизия, 193-я пехотная бригада.

В состав оперативного соединения авиации были включены авиагруппа 160-го авиаполка ССО армии (12 вертолетов МН-6 «Блэк Хоук», 10 АН-6 «Литл Берд», ОН-6А «Кейюс»), пять авиаэскадрилий 1-го авиаполка ССО ВВС (7 АС-130 «Ганшип», 3 МС-130Е «Комбат Тэлон», 5 МН-53EJ «Пэйв Лов», 2 МН-47D «Чинук», 2 НС-130 «Танкер», 4 МН-60 «Пэйв Хоул»), 1-й батальон 228-го авиаполка армии (54 UH-60, СН-47, ОН-58, UH-1), авиабригада (11 АН-64А «Апач», 4 АН-1 «Кобра», 9 ОН-58S «Кайов Скаут»), отряд 37-го тактического истребительного авиакрыла (4 F-117А), 24-го смешанного авиакрыла (18 ОА-37), 180-й тактической авиагруппы ВВС национальной гвардии.

Самолеты АС-130, А7 и вертолеты АН-64, АН-6, АН-1 использовались для авиационной поддержки наземных сил, вертолеты ОН-58 – для воздушного наблюдения, а вертолеты СН-47, UH-1 и МН-6 – для переброски войск.

Самолеты и вертолеты ССО ВВС совершили свыше 300 вылетов и налетали более 1.200 часов, а всего самолеты ВВС совершили 788 самолетовылетов.

Переброску войск, боевой техники и снаряжения из США в Панаму осуществляли самолеты авиационного транспортного командования.

В первом броске воздушного парашютного десанта участвовало 84, во втором – 27 самолетов.

Перед выброской парашютистов с высоты 360 метров десантные самолеты 82-й вдд за 6 часов совершили перелет из США в Панаму на расстояние 2.280 км. Подразделения 82-й вдд, высадившиеся во втором броске десанта, немедленно перебрасывались в пункты их назначения армейскими десантными вертолетами.

Всего в период операции транспортные самолеты совершили 408 самолетовылетов и перебросили 19,5 тысячи человек и 11,7 тысячи единиц груза.

Основную роль в операции «Джаст Коз» играло объединенное оперативное соединение специальных операций – ООССО (JSOTF – Joint Special Operations Task Force). В его состав входили 75-й полк рейнджеров, сведенный в оперативное соединение (ОС) «Рэд» (TF Red), 7-я группа ССО армии – ОС «Блэк» (TF Black) и ССО ВМС – ОС «Уайт» (TF White). Эти силы поддерживали подразделения психологических операций и связи с гражданской администрацией, вертолеты 160-го авиаполка ССО армии, самолеты и вертолеты 1-го авиакрыла ССО ВВС и команды боевого управления ВВС (CCT – Combat Control Teams).

Схватить президента

Основной задачей американцев был захват президента Панамы Мануэля Норьеги и предотвращение оказания сопротивления вторжению со стороны панамской армии. Поскольку точное местонахождение Норьеги американцам было неизвестно, основные усилия они направили на уничтожение штаба армии с целью дезорганизации сопротивления панамцев.

Операция по захвату здания «Командансия» – штаба армии в Панама Сити и тюрьмы «Карцел Модело», расположенной рядом, получила название «Эйсид Гамбит» и проводилась оперативным соединением «Гейтор», в состав которого входили БМП М-113 4-го батальона 6-й механизированной дивизии и подразделения 7-й группы сил спецопераций армии, которых поддерживали с воздуха самолет АС-130 и два вертолета АН-6.

Атака соединения «Гейтор» началась в 0.45, т.е. за 15 минут до начала общей операции, что несколько уменьшило шансы оставшейся части сил вторжения начать внезапные действия против других объектов. Американским боевым машинам пехоты пришлось маневрировать под сильным беспорядочным огнем мелкого


На улицах Панамы



Американские солдаты устанавливают спутниковую связь

стрелкового оружия, который велся со всех сторон, а также из 16-этажного здания, занятого обороняющимися. Им приходилось обходить и смещать цементные блоки, перегораживавшие улицы на подходах к зданиям. В течение этого отрезка времени один американский солдат был убит и несколько ранено.

В ходе атаки самолета АС-130 и вертолетов АН-6 ведущий вертолет был сбит и совершил посадку во дворе здания министерства обороны, где личный состав покинул машину и, попав под огонь не только панамцев, но и своего же самолета АС-130, укрылся за забором, находившимся невдалеке. В течение более чем двух часов рейнджеры не могли поднять головы, и только каким-то чудом им удалось перебраться через забор и оказаться в расположении своих сил.

В окутавшем министерское здание дыму одно из подразделений американского спецназа попало под огонь самолета АС-130, в результате чего получили ранения 12 солдат, а прибывший в этот район через час другой самолет добавил «жару» – ранил еще девятерых.

Во время атаки первого самолета американские солдаты подумали, что попали под минометный огонь панамцев, однако, когда были обстреляны вторично, поняли, что их атакуют свои, и через радиосеть огневой поддержки потребовали прекратить обстрел.

Во время этого штурма поисково-спасательная группа ССО проникла в тюрьму и освободила единственного американского гражданина, находившегося внутри. При попытке эвакуации вертолет этой группы был сбит и сел на аллею к северу от тюрьмы, где личный состав занял круговую оборону. Все члены группы, кроме освобожденного американца, получили ранения различной степени тяжести. Запросив помощь своих сил, они были эвакуированы на БМП М-113.

Оперативное соединение «Гейтор» находилось в районе штаба панамской армии в течение всего 20 декабря. Во второй половине дня из аэропорта Омар Торрихос прибыла рота «С» 3-го батальона 75-го полка рейнджеров для проведения захвата здания. Силы «Гейтор» были направлены для решения последующих задач.

Захват комплекса Торрихос–Токумен

Каковы же были особенности ведения боевых действий в операции «Джаст Коз» различными силами спецопераций?

Крупнейшим соединением, задействованным в операции, являлось оперативное соединение «Рэд», которое включало 75-й полк рейнджеров, подразделения 4-й группы психологических операций и 96-й батальон связи с местной администрацией, а также команды боевого управления ВВС и группы управления артиллерийской поддержкой морской пехоты и корабельной артиллерией. Непосредственную авиационную поддержку осуществляли ударные вертолеты АН-6 из 160-го авиаполка ССО армии и ударные самолеты АС-130Н из 1-го авиакрыла ССО ВВС, а также ударные вертолеты АН-64 армии и истребители-бомбардировщики F-117A ВВС. Эти силы были разделены на 2 части: одна парашютировалась на комплекс международного аэропорта Омар Торрихос и военный аэродром Токумен, а другая – на авиабазу Рио Хато. После захвата этих объектов ОС «Рэд» должно было соединиться с другими силами США для проведения последующих операций.

Международный аэропорт Омар Торрихос являлся основным аэропортом, обслуживающим Панаму, а примыкающий к нему военный аэродром Токумен – основной авиабазой ВВС Панамы. Захват комплекса являлся важнейшей задачей операции «Джаст Коз», которая предусматривала высадку в Панаме частей 82-й вдд. Этому могли помешать 2-я рота панамской армии и ВВС Панамы. Комплекс представлял собой район размером около 6 км в длину и 2 км в ширину. Проведение операции по захвату было поручено 1-му батальону 75-го полка рейнджеров. 1-я бригада 82-й вдд должна была высадиться на парашютах в район десантирования только через 45 минут после начала операции. Планом предусматривалось, что непосредственно перед парашютированием батальона самолет АС-130Н и 2 вертолета АН-6 должны были атаковать позиции панамцев, оборонявших комплекс, с целью оказать поддержку роте «С» 3-го батальона рейнджеров, которая должна была высаживаться в этот момент совместно с командой психологических операций, командой связи с местной администрацией и командой боевого управления ВВС



Вертолеты АН-6 перед вылетом на операцию



Основная задача американцев – захватить Норьегу

(в которую входили команда управления высадкой и парашютисты поиска и спасения).

После парашютирования роте «А» первого батальона ставилась задача захватить комплекс ВВС Панамы и уничтожить находящиеся там самолеты. Рота «С», усиленная взводом роты «В», должна была захватить второй комплекс и уничтожить обороняющую его роту панамцев. Остальная часть роты «В», усиленная 12 джипами с орудиями и 10 мотоциклами, должна была очистить обе взлетно-посадочные полосы и установить блокпосты, которые бы препятствовали вмешательству в операцию других сил панамцев. В конечном счете рота «С» 3-го батальона должна была «зачистить» мелкие строения около терминала Торрихос, изолировать его основные здания и затем захватить его, подавив сопротивление панамцев.

До начала атаки команда боевого управления ВВС, состоявшая из четырех человек, разместила навигационные огни у конца взлетной полосы.

Атака началась в 1.00 ночи, когда самолет АС-130Н и вертолеты АН-6 открыли огонь по позициям панамцев на аэродроме. Вертолеты осветили три цели, в то время как АС-130Н обстреливал здание штаба и казармы 2-й стрелковой роты панамской армии. Поскольку соединение «Гейтор» начало боевые действия в 0.45, панамские силы на комплексе Торрихос–Токумен были извещены о вторжении американцев еще до того, как первые рейнджеры покинули свои самолеты в 1.13.

Рота «А» подверглась только спорадическому обстрелу из легкого стрелкового оружия и через 2 часа захватила все свои объекты. Около 20 панамских солдат ВВС, прятавшихся в одном из ангаров, были взяты в плен.

Рота «В» высадилась на цель и быстро заняла блокирующие позиции, встретив лишь беспорядочный огонь, и также захватила пленных. Единственной «серьезной» проблемой, с которой ей пришлось столкнуться, стали панамские автомашины, игнорировавшие сигналы предупреждения и преодолевавшие баррикады, пытаясь прорваться через блокирующие позиции роты. После того как рейнджеры открыли предупредительный огонь, все машины, за исключением одной, повернули назад, а последняя продолжила движение и остановилась только тогда, когда расстреляли ее колеса.

В одной из машин, скрывшихся после предупредительных выстрелов, находился Мануэль Норьега, который посещал военный центр отдыха в Сегеме.

Рота «С» атаковала казармы 2-й панамской роты и подверглась слабому обстрелу. Сопротивление было быстро сломлено, один панамский солдат, отказавшийся сдаться, был убит.

Рота «С» 3-го батальона захватила терминалы Торрихос–Токумен, что оказалось значительно проще, чем ожидалось. Вначале четверть роты приземлилась в высоких зарослях к западу от взлетно-посадочной полосы и смогла присоединиться к основной части подразделения лишь через 2 часа. Рота, не встречая сопротивления, захватила все объекты вне здания терминала и некоторое время наблюдала за тем, как вертолеты АН-6 уничтожали караульные помещения, в которых были убиты 2 охранника. Третий взвод роты захватил северное крыло терминала, ведя огонь с его второго этажа.

Непосредственно перед началом операции в аэропорт прибыли два рейсовых самолета, и в терминале находилось около 400 пассажиров. Панамские солдаты защищали терминал более решительно, чем другие объекты комплекса, и в ходе этого боя был убит один рейнджер. Панамцы также понесли потери – несколько убитых и раненых.

Второй взвод вошел в терминал с юга и встретил сопротивление на 3-м этаже здания, которое вскоре подавил. В это время на первом этаже около 10 панамских солдат захватили двух американских девушек и попытались скрыться с ними, однако, встретив огонь со стороны рейнджеров, вернулись в здание, где оказались заблокированными в одном из помещений, и были вынуждены сдаться.

Приблизительно в 11.00 1-й батальон рейнджеров передал комплекс Торрихос–Токумен под контроль подразделений 82-й вдд, а в 15.00 рота «С» 3-го батальона перешла под управление оперативного соединения «Байонет», предназначенного для проведения «зачистки» комплекса зданий минобороны Панамы.

(Продолжение следует)



Вертолеты ОН-6А «Cayuse» использовались для воздушного наблюдения

«Шабашка» для «контрабаса»

Когда я слышу или читаю о военной реформе, то мне становится, право же, странно, понимают ли люди, говорящие о ней, что-нибудь в реалиях армейской службы. Как на практике выглядит профессиональная армия и какие проблемы на самом деле там существуют? Ведь уже есть части, укомплектованные контрактниками. Мне самому довелось служить солдатом как на срочной службе еще в Советской Армии, так и по контракту в разных частях Минобороны и погранслужбы, в том числе и участвовать в двух чеченских войнах. Так что я на своей шкуре испытал все плюсы и минусы военной реформы. Потому начну с основных, наиболее распространенных постулатов, которые выдвигаются сторонниками и противниками реформ.

Первый из них – в профессиональной армии не будет «дедовщины».

Действительно, в среде нынешних контрактников нет «дедовщины» и моральный климат в частях, укомплектованных ими, «мягче», чем у срочников. И это понятно. Служат люди, уже нахлебавшиеся вдоволь в свое время пресловутой «дедовщины». Им уже за 30 лет. Конечно, таким дядькам в силу их возраста и жизненного опыта не до того, чтобы выяснять, кто больше прослужил и оттого «круче» стал.

Но опять-таки отмените срочную службу, начните набирать молодых ребят, и среди них будет то же самое. Выстраивать собственную иерархию – это состояние любого замкнутого коллектива, в особенности мужского. Такая же иерархия будет выстраиваться и среди молодых людей, которые пополнят ряды профессиональной армии. Положительный момент тут есть. Желающие могут разорвать контракт и уйти, это сгладит остроту межличностных отношений, которая царит в солдатской среде. Конфликты, конечно, будут, ведь это свойство любого человеческого общества. Однако уверен: резко упадет количество преступлений в солдатской среде.

Вторая идея. Служить должны профессионалы, и они с радостью придут в армию.

Это самый спорный, на мой взгляд, вопрос. Кого считать профессионалом? Сейчас это любой отслуживший срочную службу мужчина с необходимой воинской специальностью, приобретенной опять же на срочной службе. Как приобретается в армии профессия, всем известно: не хочешь – заставим, не умеешь – научим. Теперь если срочная служба исчезнет, то где будут обучаться профессионалы? Можно, конечно, создать учебные центры для обучения контрактников и уже после этой подготовки ставить их на должности. Но здесь есть очень уязвимое место, о котором почему-то забывают все творцы военной реформы. А где вы найдете необходимое число специалистов, желающих служить именно в данной части и именно на данной должности? Да еще интенсивно осваивать ее в учебном центре при всех прелестях армейского житья-бытья?

Здесь хочу заметить, что мало кто из контрактников служит больше года, а уж больше трех вообще единицы. Мои наблюдения показывают, что дольше всего служат солдаты, устроившиеся на должности весьма далекие от боевой, воинской жизни. А именно: водители, музыканты, штабники, каптеры, различный обслуживающий персонал. Это вполне объяснимо.

Взрослому человеку не хочется, как мальчишке, бегать с автоматом по полигону, тянуть носок на строевой подготовке, мести плац или мыть полы в казарме. А на вышеуказанных должностях солдаты, как правило, занимаются тем же, чем и гражданские специалисты, и их принадлежность к Вооруженным Силам определяется, по сути, только военной формой.

Но, как я понимаю, творцам военной реформы хочется укомплектовать контрактниками как раз не эту «тыловую» категорию, а подразделения боевые, тянущие основную «ратную лямку». То есть «добыть» стрелков, разведчиков, саперов, танкистов, артиллеристов и т.п. А вот как раз такие солдаты-специалисты и разбегаются в первую очередь. Не думаю, что поможет тут и высокая оплата. Уж куда как хорошо платят в Чечне, по сравнению с теми же заводами и колхозами, а люди-то бегут, не прослужив и полгода. Причем контрактники начинают разбегаться не во время боевых действий, а как раз в мирные периоды, когда идет обычная гарнизонная жизнь. Та же картина и в частях, находящихся в России.

Прослужив некоторое время, вчерашний безработный, для которого и червонец был состоянием, привыкает получать деньги, еще вчера казавшиеся ему немыслимыми, и за которые он, казалось бы, готов делать что угодно, начинает хандрить и либо запивает, после чего его выгоняют, либо уходит сам. Это касается тех, кто не смог «выбить» теплое место. Ну а кто смог, те служат. Конечно, есть редкие исключения, но они только подтверждают правило: сколько солдату ни плати, а на «гражданке» лучше.

Надо понять людей, которые придут в армию. Это не будут стойкие оловянные солдатики. Это будут

взрослые мужики со своими проблемами в жизни. Те, кто служит сейчас, – люди, выброшенные из жизни. Они не смогли нигде пристроиться на «гражданке», у большинства еще и развалившиеся семьи, проблемы с алкоголем.

Почти все контрактники поголовно ненавидят службу и командиров и мечтают только о том, как бы с большей для себя выгодой «прослоняться» время контракта. Вы хотите заинтересовать этих людей деньгами? Да, полно. Будет, как в Чечне, – заработал, накопил на покупку чего-то и уехал. Надо еще – приедет через пару месяцев. Своего рода «шабашка». Командиры, конечно, ревом от этого ревут, а что поделаешь – другие-то служить не едут, вот и приходится брать этих. Кстати, большинство офицеров предпочитает иметь дело со срочниками – те более управляемы и не разрывают контрактов.

Мне кажется, что желанные профессионалы в нужном количестве в армию не придут. А кто придет, за ним глаз да глаз нужен. За это время вряд ли чему путному удастся его научить. Плюс постоянная текучка и дыры в штатном расписании. Никакой мобильной и компактной армии однозначно не получится. Можно только укомплектовать (и то это еще не факт) маленькие нестроевые подразделения – связь, авиацию, складские службы, автохозяйство. Говорить же о стопроцентном комплектовании по контракту мотострелковых частей, ВДВ просто смешно.

И наконец, третье – в «горячих точках» должны служить контрактники.

Тут я полностью соглашусь с данным высказыванием. Добавив сюда еще и желающих из срочников. Поверьте, такие найдутся. Важно устранить трудности в получении денег, которые существуют ныне. Видится разумным своевременное начисление их на банковский счет, пластиковую карточку. В настоящее время этого нет и получение заработанных денег составляет большую проблему для солдата. У меня создалось такое впечатление, что все делается, для того чтобы деньги тебе не достались и ты за них поборолся. Но это тема другого разговора.

Однако не надо обольщаться. Придут служить опять те же люди, с теми же проблемами. Несмотря на материальную заинтересованность, подлинные причины, заставляющие ехать людей на войну, – личные. А именно: убежать из мира, где они не нужны. Не стоит рассчитывать на их длительную службу. Оптимально заключать контракты на 6 месяцев. Этот срок выдержит любой и нормально уедет. Больший срок – это, как правило, нервозность и досрочный разрыв контракта.



Теперь, раскритиковав основные положения сторонников реформ, попытаюсь вскрыть причины всего этого и предложить пути выхода из создавшегося положения. Давайте расстанемся с розовыми очками и взглянем реально на проблему. Признаем: военная жизнь – тяжелая жизнь. Ничего там хорошего нет. Служат в большинстве своем люди либо по принуждению, либо по призванию. Материальный мотив играет малую роль и очень недолго. В конце концов и на «гражданке» можно столько же заработать, если голова есть и руки растут откуда надо.

Если с принуждением все ясно – это срочная служба, то с призванием вопрос более интересный и многогранный. Всем известны поговорки, отражающие вековую мудрость: «Плох тот солдат, кто не мечтает стать генералом» и «Каждый солдат в своем ранце носит маршальский жезл». Вот тут-то, на мой взгляд, и собака зарыта. Трудно убедить человека добровольно служить солдатом, не будем скрывать этого, рабочей скотинкой армии, долгое время. Заставить можно, а добровольно выберут такую судьбу единицы.

Военная служба – строгая иерархия, где прав тот, у кого больше прав, и никак иначе. Положение напрямую зависит от погон. Любой самый плохенький лейтенант намного выше по своему статусу самого лучшего и грамотного солдата. Те, кто хочет быть военным, идут в военное училище и становятся офицерами. Кто поглупее пробивается в прапорщики. А кто же хочет быть солдатом, которым все помыкают? Только человек, отчаявшийся в жизни, или у кого руки не оттуда растут, что на «гражданке» себя прокормить не может. В общем, то же, что женщина-проститутка. Грубо, обидно, а так оно и есть. Выход мне видится один – коль всех контрактников офицерами не сделать, да и не потянут многие из них, то повысить их армейский статус. Допустим, приравнять к прапорщикам, а может, и сделать их прапорщиками со всеми вытекающими льготами и привилегиями. То есть пусть они служат именно как прапорщики на своих солдатских должностях. А должности эти должны быть требующими определенной подготовки. Ведь, например, в милиции, УИНе так и делается. И ничего страшного, служат люди до пенсии. Это позволит и офицерам более уважительно обращаться с контрактниками, ведь на прапорщика просто так не наорешь.

Соответственно ни в коем случае нельзя отменять срочную службу. Буду циничен, но кто-то должен делать грязную работу в армии (мыть полы, мести дорожки, красить заборы, чистить картошку). Вот и пусть это делают молодые ребята, как всегда это было на службе. Никто ведь от этого не умер. Но что полезно для парня 18-20 лет, не нужно для 30-40-летнего мужика. А при нынешнем принципе комплектования частей одними контрактниками на них взваливается вся работа, от которой они упорно увиливали на «срочке». Вот они и разбегаются, служить ведь пришли, а не газоны красить. Да ведь и службу большинство понимает как возможность пригреться на тепленьком месте без всяких строевых, физо... Будем смотреть правде в глаза – так оно было, есть и будет.

P.S. А почему, собственно говоря, мы так боимся срочной службы? Поколению NEXT полезно было бы проветрить мозги в поле и на плацу. Пускай там «сникерсняют», ничего, дурь выветрится, и будут нормальные люди. Может, и в профессиональной армии останутся.

Павел Зябкин.

Алексей МАМАТОВ
Константин ВОЮШИН
Фото авторов

Нож – на нож. Меня не трожь!



Особенности ведения «ножевого» боя

Сегодня интерес к клинку возрос многократно. Как следствие – масса режущих и колющих средств в магазинах и ларьках. Но специалисты задают только один вопрос: готовы ли мы к такой свободе хождения холодного оружия?

От… ножа добра не ищут?

Купить нож легко. Можно дорогой, с достойной сталью и заточкой лезвия, удобной рукоятью, а можно относительно дешевый китайский вариант. Но любой клинок требует самодисциплины и культуры ношения, которую за ряд десятилетий в нас убили, причем так основательно, что желание мужчины иметь нож стало презираемым в обществе.

Но не всегда было так, и не только «дети гор» резали баранов кинжалами и приучались любить и ценить дух оружия. До 20-х годов минувшего века каждый мужик имел свой «засапожник» или просто поясной нож. Выйти без него на улицу, пусть он будет где-то под тулупом, было не «по-мужицки». Каждый совершеннолетний, помимо того, что имел свой клинок, допускался к участию в «поножовщине» (поединках на ножах), которые проводились наряду с кулачными забавами. Но с приходом советской власти ношение холодного оружия стало наказуемо.

Обыватель скажет, что это отлично, преступности стало меньше. Но вот незадача, ведь мужики любой деревни входили в артель и, имея опыт ножевых и кулачных боев, являлись полицейским органом в населенном пункте. Когда не стало таких дружинников, преступность уменьшилась? В наше время пытаются возродить данное направление, но мы сейчас не об этом.

Запрет к обращению с холодным оружием сделал свое дело – мы боимся его, у нас нет навыков, реакций на повседневное «сожительство» с клинком. Войны убили тех, кто еще мог передать это искусство. И вот сейчас, как одержимые, мы бросаемся на «колюще-режущие» изделия. К чему это приведет? Поживем – увидим.

Извлечение клинка из руки противника при борьбе за нож

Характер угрозы

Волна насилия в наше время захлестнула всех и вся. Если богатых «дядек» убивают по заказу, то обычные граждане, ничем не примечательные, подвергаются спонтанным ситуационным нападениям. Арсенал оружия изощренный – цепи, бутылки, ножи, камни и т.д. Само собой, жить в маниакальной зависимости от собственного страха мы не можем и знать хоть что-то для собственной безопасности обязаны.

Итак, каковы характеристики уличного нападения сегодня?

Во-первых, спонтанный характер нападения с непредсказуемым развитием ситуации. Даже словесное оскорбление может привести к драке, причем мгновенно. После первого удара

ногой или рукой второй может быть нанесен ножом.

Во-вторых, повышенная жестокость. Интеллектуальный спад, алкогольная и наркотическая зависимость большого количества молодежи, замена ценностей жизни на ценность денег – все эти и другие факторы, как правило, исключают для жертвы нападения вариант «просто получить по носу». Большинство случаев заканчиваются тяжелыми увечьями вплоть до летального исхода. Отсутствует государственное регулирование доступа к информации, то есть для любых возрастных групп доступна информация самой неограниченной жестокости. А безграмотность населения в области анатомии и биологии приводит к увеличению смертельных ранений в ходе драк и нападений.

В-третьих, неожиданность нападения. Как правило, оно осуществляется с ближней дистанции или почти вплотную, что не дает возможности даже подготовленным людям оказать сопротивление. Отсутствие дистанции и возможности маневра приводит к психологическому шоку, включая и людей, имеющих соревновательный опыт единоборств.

Теперь добавьте к этим пунктам обычное количество противников – не менее 3 – 4 и наличие хотя бы у одного из них холодного оружия. Получается, что ваша самооборона, то есть рукопашный бой, будет вестись в условиях возможного применения холодного оружия, а это означает, что схемы тренировок, рассчитанные на другие характеристики боя, отличны от реального положения вещей на улице. И, если подходить к своей безопасности серьезно, нужно ввести в свое восприятие ряд алгоритмов, направленных на увеличение бдительности, и пересмотреть отношение к конфликтным ситуациям, начиная от этапа словесной перепалки, до самой схватки.

Возможные ситуации

Перед тем как обратиться к практике, ответьте самим себе, хорошо подумав, на три вопроса:

Вступая в конфликт с незнакомым человеком, подвергаясь агрессии, вы уверены в том, что у него нет холодного оружия?

Как вы думаете, если у одного из конфликтующих имеется с собой нож, то какова вероятность того, что он будет использован?

Если человек носит с собой нож, для чего он это делает?

Рассмотрим такую ситуацию. Вас толкнули, задели плечом и т.д. В зависимости от вашего психологического состояния вы ответите на это по-разному. Один из наихудших вариантов поведения вашего оппонента – неожиданная атака откуда-то появившимся ножом и быстрый уход с места преступления. Столь жестокое действие характерно для щуплых, физически неразвитых людей, имеющих, возможно, психические заболевания. Все действия происходят вплотную, поэтому они не привлекают внимания ввиду отсутствия амплитуды движений и исключают возможность вашей защиты. Такой человек просто постарался отделаться от вас кратчайшим путем, ударом ножа: из кармана – в живот!

В данной ситуации возможен и следующий вариант: оппонент извинился на ваше возмущение, вы удовлетворенно разворачиваетесь к нему спиной и... пробитая голова не в счет!

Чаще же все бывает совсем просто: «Давай мобилу, кошелек, снимай куртку, не хочешь – получи по голове».

Что делать нам, простым людям? Во-первых, в «идеологическом» плане для себя решите, что важнее – ваша безопасность или потраченное время, и не лучше ли объехать или обойти опасное место, чем хотя бы пару минут испытывать судьбу в пустынных двориках? Во-вторых, определитесь, рассматриваете ли вы любого человека на вечерней малолюдной улице как потенциального нападающего или нет?

Если ответы на эти вопросы будут у вас положительными, то первый шаг от беспечности к собственной безопасности сделан.

Жесткие сбивы обеими руками уколов противника – вниз и в стороны

Практика

Прежде всего, никогда не позволяйте противникам приблизиться на дистанцию ближе вытянутой руки! Вот они перед вами: на любую попытку шага в вашу сторону следуют мгновенное словесное предупреждение «Стой!» и уход назад, в сторону с выставлением вперед рук, восстанавливая «буферную» зону. Если на вас бросились, то задача номер один – не дать им войти на дистанцию захвата, прихвата за одежду, когда один будет держать, а другие добивать. Решений много, но предлагаем применить безусловный рефлекс вашего тела: при неожиданности оно резко отшатывается назад, а рука вытягивается вперед, в лицо. Шаг в сторону, вы выбрасываете – жестко! – кулак или напряженные пальцы в лицо одному противнику и сразу атакуете его ударом, ребром обуви в колено или голень. Бить надо со всей силы – **помните, перелом колена не смертелен.** Если все сложилось удачно, нападающие испытывают ступор, так как первый уже корчится на полу и воет от боли! Дальше дело техники – если их двое, то со вторым вы сделаете то же самое или обрушите на него град ударов – главное, чтобы это было сделано максимально сильно. Включите все эмоции, кричите, войте – вы в бою, а значит, бояться уже нечего!

Работайте только во взрывной манере. Мгновен-

ная серия на поражение противника и разрыв контакта с ним. Необходимо порезать ножом ближайшую к вам конечность – как правило, это рука – и нанести поражение телу вооруженного противника.

Тщательно отрабатывайте технику выхватывания оружия!

Об этом аспекте самообороны стоит поговорить более подробно. Дело в том, что если оставить данное действие неотработанным, то дальнейшие тренировки лишены смысла, так как вас убьют до того, как вы выхватите свой нож В Лос-Анджелесе, который традиционно славится наилучшей рукопашной подготовкой среди полицейских, проводили интересный эксперимент. В нем участвовало 85 офицеров полиции, которых заранее не предупредили об эксперименте. Атакующим был человек в камуфляже, с укрытым «ножом» (очень точный макет). Приблизившись на три шага, он выхватывал «нож» и пытался «зарезать» полицейского с криком: «Я убью тебя, свинья!»

Из этого получилось следующее. 3 из 85 видели нож перед моментом контакта; 10 – сознавали, что получили несколько ударов уже после атаки; 72 – вообще не понимали, что их атакуют ножом, и после «боя» крутили головами, разглядывая полосы мела на своих мундирах. И только один(!) полицейский смог эффективно защититься от нападения.

Первой реакцией большинства из них было отступление назад, что агрессор тут же компенсировал, сокращая дистанцию и продолжая атаку. Большинство контактов начиналось с блока и ударов локтями в клинче, 60 боев закончились в партере.

По другому варианту – на расстоянии в нескольких шагах от сотрудника проходила череда людей (имитация рассеянной толпы). Внезапно один из «прохожих» выхватывал «нож» и бросался к полицейскому. Из 85 сотрудников на дистанции до 4 метров никому не удавалось выхватить табельное оружие, на 5 метрах это сумели сделать только двое(!). На этот раз все знали, что будет происходить, то есть нападение не было для них внезапным.

Теперь грустная проза из нашей жизни. В прошлом году в Москве были убиты 4 вооруженных табельным оружием сотрудника УВД. Судя по характеру колото-резаных ранений, всех четверых убил один человек.

Техника выхватывания ножа должна отрабатываться из любого положения и в любой ситуации (при разговоре, ходьбе, толчках, когда вас сбили с ног). Еще один пример. 10 лет назад в одном из городков Алтайского края разбиралось дело по факту применения холодного оружия. Двое курсантов военного училища подверглись нападению группы шпаны. В тот момент, когда им, сбитым с ног, уже ломали ребра, били их по головам, один из курсантов успел раскрыть складной ножик и полоснуть противников – по ногам и в живот. Итог: курсанты в реанимации с тяжелыми травмами головы и корпуса, а один из нападавших через три дня умер. На суде курсанту дали условный срок.

Готовность

Нож должен быть всегда с вами, так же как и нательный крестик на груди у верующего человека. Нож – это ваш амулет под названием «путевка в жизнь». Это средство охраны жизни и безопасности – своей и своих близких. Кроме того, есть интересный феномен, проявляющийся при постоянном ношении с собой оружия – такой человек реже попадает во всякие криминальные ситуации. Наверное, здесь дело в том, что преступники ощущают в нем не жертву, а хищника, более опасного, чем они сами (разумеется, это справедливо только в случае профессионального владения клинком).

Нож должен быть отточен, как бритва. После покупки доведите его до бритвенной остроты и – внимание! – не используйте для выполнения бытовых операций, так как он имеет свойство незаметно тупиться. Боевой нож – только для самообороны (если использовать его в быту, то в решающий час вы можете оказаться перед нападающим с затупленным обрубком железа вместо эффективной бритвы).

Готовность применить свой клинок в реальном контакте с телом противника. Все тренировочные действия с ножом обязательно «ставятся» на защитное покрытие: дерево, стопка автомобильных покрышек, раскачивающиеся пластиковые бутылки с водой. Жидкость для большего реализма можно подкрасить гуашью или кристалликами марганцовки – при уколе будет имитация «фонтана крови» из «раны».

Нужно реально представлять себя в ситуации, когда необходимо применить клинок, – нападение группы либо одного агрессора, но вооруженного.



Сбивы вниз и в сторону с прихватом вооруженной руки

Оборонительные действия с ножом

Если говорить предельно коротко, то **используйте диагональный хват ножа.** Такой способ наиболее универсальный и подходит как для работы против одного вооруженного агрессора, так и против вооруженной или безоружной группы. Нож при этом упирается головкой рукояти в мясистое основание ладони, а большой палец прижат к рукоятке сбоку. Данный хват еще и страхует пальцы от травмы при отсутствии выраженной гарды (она отсутствует у большинства свободно продающихся ножей).

Простейшие действия с ножом: укол, порез, удар головкой рукояти.

Основные зоны поражения ножом – в первую очередь, это ближайшая к вам конечность, как уже упоминалось выше, обычно рука. Логика: если агрессор не сможет держать оружие или бить рукой, то он не сможет и атаковать. Конечность атакуется порезом, это заставит противника выпустить оружие и «выключит» руку из боя. Порез должен быть очень сильным и глубоким. Также порезом атакуется бедро, что «выключает» из боя ногу: нападающий не сможет стоять, значит, не будет и драться. Аналогично – лоб: обильное кровотечение мешает зрению.

Данные действия желательно проводить в парной комбинации для усиления эффекта: порез руки – порез ноги; руки – лица; лица – ноги.

Удар головкой рукояти ножа. Такие удары в угол челюсти, ключицу, грудину, локоть, запястье, колено обладают неплохим шокирующим и останавливающим эффектом. Необходимо многократное повторение удара.

Научитесь выполнять эти комбинации после скоростного выхватывания ножа, произвольно сочетать их между собой, работая в передвижении, и вы значительно повысите свое мастерство владения клинком.

Чего нельзя делать

Ни в коем случае не пытайтесь угрожать вашему оппоненту ножом! Профессионалы хорошо знают, что это смертельно опасно!

Во-первых, возможна так называемая реакция «крысы, загнанной в угол». В обычном состоянии крыса боится человека, однако, будучи загнанной в угол, она кидается на него, вцепляется в лицо, кисти, гениталии, что дает ей шанс не просто дорого продать свою шкуру, но и выжить. Еще гениальный полководец древности Сун-Цзы не рекомендовал окружать войско противника в «месте смерти», то есть в котле, где все окруженные будут драться насмерть.

Во-вторых, в таком случае возможно применение вашим противником огнестрельного или холодного оружия, скрываемого до этого момента.

Нельзя метать свой клинок! Вы уверены, что попадете в движущегося противника? Вы выведете его из строя одним броском?

Во-первых, ваш клинок может улететь в никуда, и вы останетесь без оружия.

Во-вторых, вы можете подарить свое оружие противнику: он вытащит его из раны и обратит против вас.

Есть одно исключение из этого правила, но оно распространяется на спецов, владеющих метанием без оборота. От такого броска практически невозможно уклониться, так как проводится он с большой силой и на очень близкой дистанции.

«Ударная самооборона»

Представим наихудшую ситуацию – подходя к вам, один из противников вытащил нож. Вот тут первая фаза самообороны – это ваша готовность не щадить преступников. Не все потеряно, главное – не ждать развития ситуации. Опять же бейте по колену и «отсекайте» вооруженную руку, но уже свои руки держите ближе к телу, не выставляйте вперед. Если будут попытки резать конечности, то подставлять лучше внешнюю часть плеча или предплечья, защищенного одеждой.

При наличии нескольких нападающих вариант с «отсеканием» руки с оружием и ее прихватом не подходит – здесь уже надо перемещаться, бить по коленям. То есть вам поможет только «ударная самооборона». И, конечно, бейте всем, что попалось под руку, уже не стоит думать о последствиях, на кону ваша жизнь!

Страх – плохой помощник при выживании! Уверенность – постоянная спутница уверенного человека, и она приходит вместе с практикой. Стараться быть готовым к опасности сегодня задача – для всех независимо от профессии. Выживает подготовленный!

Технические действия по защите от атаки ножом:

- жесткие сбивы обеими руками уколов противника – вниз и в стороны;
- жесткие сбивы – «клин» уколов – в сторону;
- двойные защиты от порезов;
- вход в «пишущую» серию;
- сбивы вниз и в сторону с прихватом вооруженной руки;
- прихват двумя руками вооруженной руки;
- ударные сбивы руками и ногами – по вооруженной руке;
- загрузка весом тела вооруженной руки после ее прихвата;
- извлечение клинка из руки противника при борьбе за нож.



Прихват двумя руками вооруженной руки



SNUGPAK: спальные мешки и утепляющая одежда

Даррен БУРРЕЛЛ

Вот уже более 25 лет британская компания Brett Harris Ltd., владеющая торговым брендом Snugpak, выпускает широкий спектр товаров военного и гражданского назначения. Свою деятельность компания начинала в середине 1970-х гг. прошлого века с выполнения подрядов на пошив утепленной одежды для военных водолазов Великобритании и США. Сегодня основной ее продукцией являются спальные мешки и утепляющая одежда, изготовляемые из современных синтетических материалов. Производится и прочий ассортимент туристического и военного снаряжения, включая современную водолазную одежду.

Как ранее, так и в настоящее время специалистами Brett Harris Ltd. ведется внедрение в производство новейших технологий, а также поиск и разработка новых синтетических материалов, превосходящих по своим свойствам натуральные материалы и синтетические ткани предыдущих поколений. Такие уникальные материалы, как Softie и Paratex, используемые в производстве спальных мешков и утепляющей одежды Snugpak, являются запатентованными изобретениями компании. Товары под маркой Snugpak неоднократно были удостоены наград на специализированных международных выставках и конкурсах.

В настоящее время спальные мешки и одежда Snugpak широко экспортируются по всему миру и официально состоят на снабжении ВС Великобритании, ВС США, австралийской армии, армий Иордании и Омана.

МАТЕРИАЛЫ

Ткани

Paratex Light – легкий нейлоновый материал, используемый в подкладке спальных мешков и утепляющей одежды. Состоит из тончайших волокон, собранных в пучки и переплетенных так, чтобы между ними сохранялись микроотверстия, служащие для испарения влаги и пота. В среднем 2 м² материала испаряют 12 л влаги за 24 часа. Материал обеспечивает приемлемую ветрозащиту.

Paratex Micro – очень прочный, хорошо дышащий и мягкий синтетический материал с использованием технологии Ripstop. Используется для создания водонепроницаемых поверхностей, в т.ч. для изготовления непромокаемого чехла Bivvi Bag для спальных мешков Snugpak. Материал – относительно дышащий – испаряет в среднем 7,5 л влаги на 2 м² за 24 часа. Включает в себя влагоотводящий полиуретан PU (Hydrophillic Polyurethane), который выводит жидкость за счет перепада температур изнутри и снаружи ткани. Выдерживает гидростатичный столб в 5000 мм/1 см². Обработан долговечным водоотталкивающим репеллентом и является полностью ветрозащитным.

Paratex Tuff – синтетический материал, сходный по своей структуре с Paratex Light, но тяжелее и плотнее его. Используется для наружного покрытия утепляющей одежды Snugpak, делая ее более износоустойчивой и прочной. Отводит в среднем 12 л влаги на 2 м² за 24 часа.

Paratex Xtreme – прочный и относительно мягкий синтетический материал с плотной волокнистой структурой и использованием технологии Ripstop. Обладает отличными водоотталкивающими свойствами и достаточной ветрозащитой. Испаряет в среднем 12 л влаги на 2 м² за 24 часа. Применяется как наружный материал для некоторых спальных мешков Snugpak.

Наполнители

Softie – это название – бренд синтетических (полиэстер) волокон, используемых в спальных мешках и утепляющей одежде Snugpak. Для создания Softie применяются высококачественные взбитые волокна, обработанные специальными смолами для придания им «пышности» и мягкости. Смешивание разных типов волокон (обычных, спиралевидных, гофрированных и пр.) дает еще больший положительный эффект. Наполнитель получает великолепные согревающие свойства и аналогичен по своей структуре натуральным утепляющим материалам, в т.ч. пуху, превосходя его по легкости, устойчивости к нагреванию и стирке.

Softie Premier – синтетический утепляющий наполнитель нового поколения для спальных мешков. При его изготовлении используются те же базовые принципы, что и для традиционного Softie, но применены некоторые новые технологии в обработке волокон смолами. Наполнитель становится еще более мягким и обеспечивает большую долговечность согревания.

Reflectatherm – этот металлизированный материал заимствован из современных космических технологий и обеспечивает изделиям дополнительные 15% тепла за счет его отражения, задержки и сохранения под наружным слоем. Применяется в некоторых спальных мешках Snugpak.

СПАЛЬНЫЕ МЕШКИ SNUGPAK

Softie 3 Merlin – международный бестселлер и лидер в линейке спальных мешков Snugpak, являясь среди них самым легким и малогабаритным.

Sleeper 2+ Camouflage



Представленный в 1989 г., Softie 3 Merlin при весе 750 г и нижнем температурном барьере 0°C стал сенсацией. Кроме наполнителя Softie в спальном мешке используется «космический» металлизированный теплобарьер Reflectatherm. Спальный мешок прошел удачные испытания на австралийских равнинах и в предгорьях Гималаев.

Softie 6 Kestrel – этот спальный мешок, производимый с 1987 г., стал основой снаряжения королевской морской пехоты Великобритании в 1991 г. в ходе боевых действий в Кувейте и Ираке. Кроме того, он стал самым широко распространенным спальным мешком из тех, что использовались в этом конфликте. Softie 6 Kestrel стал лучшим выбором, когда тяжелые боевые условия требовали минимальных габаритных размеров и веса снаряжения и возможности выдерживать низкие (иногда ниже 0°C) температуры ночной пустыни.

Softie 9 Hawk – многофункциональный «трехсезонный» спальный мешок, охватывающий почти весь температурный диапазон средней полосы Европы. Пригоден для активного профессионального использования. Идеальный выбор, если необходим один универсальный спальный мешок и неизвестно, какие условия готовит грядущий день.

Softie 10 Harrier – принят как неофициальный военный стандарт в норвежских боевых частях, проходящих службу в северных горных районах. Этот «трехсезонный» спальный мешок имеет два слоя утепляющего наполнителя Softie и идеален для продолжительного использования в горных условиях.

Softie 12 Osprey – «четырехсезонный» синтетический спальный мешок, с 1987 г. являющийся стандартом зимнего военного снаряжения. Прошел боевые испытания в Шотландском высокогорье, пригоден для сна в «снежной норе».

Softie 15 Discovery – пригоден для особенно тяжелых экспедиционных условий. Обеспечивает максимальное тепло при экстремальных температурах. Разработан для использования в арктических широтах.

Непромокаемый чехол **Bivvi Bag** – 100% непромокаемый, легкий и прочный чехол, изготовленный из материала Paratex Dry. Идеальная наружная защита для спальных мешков Snugpak. Вес – всего 340 г. Хорошо подходит для нахождения в спальном мешке под открытым небом и для выживания в экстремальных условиях. Кроме дышащих свойств, обеспечивает комфорт в любых условиях.

Расширяющая панель **Expnada Panel** совместима по молниям со всеми спальными мешками Snugpak и добавляет около 50 см к их объему. Производится в легком варианте для: Merlin, Kestrel, Hawk; в утепленном варианте для: Harrier, Osprey, Discovery, Antarctica.

УТЕПЛЯЮЩАЯ ОДЕЖДА SNUGPAK

Sleeka – куртка с утепляющим наполнителем Softie. Использовалась во всех военных конфликтах с участием Великобритании, начиная с Фолклендской войны. В настоящее время используется с внутренним покрытием Paratex Light, а также включает материал Paratex Micro для лучшего вывода влаги и дыхания.

Sleeka Lite – утепляющая куртка с вдвое уменьшенным количеством наполнителя Softie по сравнению с оригинальной Sleeka. Является «круглогодичной» утепляющей одеждой, снижая опасность перегрева в определенных климатических условиях. Может использоваться как «аварийный утеплитель». Упаковывается в маленький мешочек.

Sleeka Salopettes – утепленные брюки с нейлоновым нагрудником и системой регулируемых подтяжек. Общий вес эквивалентен куртке Sleeka. В нагруднике имеется защищенный потайной карман. Все уязвимые точки (локти, колени, ягодицы) усилены и защищены непромокаемым материалом Paratex Dry.

Sasquatch – самая теплая куртка из всей утепляющей одежды Snugpak. Идеальна для действий, предусматривающих полную или почти полную неподвижность. Имеет постоянный капюшон, образующий вокруг лица туннель-воздуховод и не мешающий обзору.

Перевод
Константина МОРОЗОВА.



«Автор слабо представляет систему, о которой пишет...»

Пишу по поводу, на мой взгляд, откровенно беспомощного материала Ивана Климовского, опубликованного в № 1 за 2005 год – «Какое нелетальное оружие предпочтительнее?»

Почему я, человек без соответствующего образования и профессионального опыта, считаю себя вправе критиковать опус человека, объявляющего себя «оружейником»? (***Прим. редакции.*** *– Он на самом деле является оружейником, причем опытнейшим. Кавычки мы оставляем только потому, что не отступаем от текста автора.*) Хотя бы потому, что ошибки и неточности, допущенные господином Климовским в его статье, не требуют специальной квалификации, для того чтобы их заметить и исправить. Итак, начнем сначала. Процитирую автора:

«В статье юриста Сергея Замятина «Об «Осе», юристах, явных вопросах и скрытых проблемах...», касающейся оружия самообороны и опубликованной в журнале «Магнум» № 5/2003, приведены слова сотрудника правоохранительных органов, имеющего разрешение на постоянное хранение оружия: «Вне службы оружие с собой не беру. Без него спокойнее».

Правильные слова. И мы не можем не согласиться с ними. Тем более что известны случаи, когда даже правомерно применившим оружие с трудом удалось доказать это в суде.

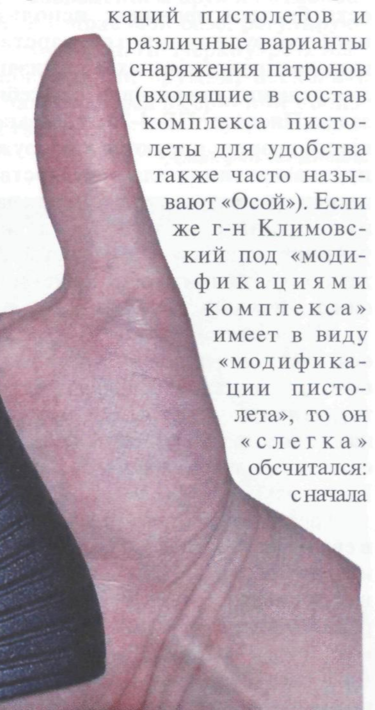
Случаи бывают разные. Бывает, например, когда несколько пьяных подонков забивают до смерти сотрудника правоохранительных органов, который не взял с собой оружие, потому что «так спокойнее» ему или его начальству. Бывает, когда такой же сотрудник, становясь вне службы свидетелем явного нарушения закона, предпочитает пройти мимо, чтобы сохранить свое «спокойствие». Сотрудники правоохранительных органов вообще бывают разными, и они не одинаково относятся к той работе, которую им доверило государство. Для кого-то рабочий день заканчивается, после того как деньги и полосатый жезл убраны в сейф, для кого-то не заканчивается вообще. Соответственно по-разному будут относиться эти люди и к своему личному оружию. Для кого-то пистолет – это всего лишь еще один предмет, за утрату которого он может лишиться 13-й зарплаты и получить «строгач с занесением». Естественно, что такую опасную вещь необходимо прятать как можно дальше, а брать ее в руки – как можно реже.

Признанный эксперт в области оружия самообороны, ветеран американской полиции Массад Айюб в одной из своих статей, посвященной применению оружия сотрудниками правоохранительных органов, сказал так: «Твой пистолет, так же как и твой полицейский значок, являются главными символами, свидетельствующими о вверенной тебе власти и о лежащей на тебе ответственности. Твой значок – это то, что дает тебе право на охрану закона и на принятие необходимых мер в тех случаях, когда закон будет нарушен. Твой пистолет – это то, что позволит тебе защитить закон даже тогда, когда на твоем пути встанет преграда. Поэтому всегда, когда ты берешь с собой свой значок, бери с собой пистолет».

С этими словами сложно спорить, с ними можно либо соглашаться, либо нет. Осенью 2003 года в Санкт- Петербурге офицер Управления по борьбе с организованной преступностью ГУВД «положил» двоих негодяев, пытавшихся под ножом ограбить его соседку по подъезду. И ему, и его соседке крупно повезло: УБОП – это одно из немногих милицейских подразделений, в котором постоянное ношение личного оружия является нормой. Если бы этот офицер работал в другом подразделении или же если бы он по совету господина Климовского задумался о возможных проблемах в суде, то результат этой истории мог бы быть совсем другим...

Описывая «уникальные» характеристики пирожидкостного комплекса «Фиалка», господин Климовский пишет о «безоговорочном признании» этой системы правоохранительными органами. На самом деле это самое «безоговорочное признание» существует только в фантазиях моего оппонента. Поговорите с офицерами, в сейфах которых пылится «Фиалка» с много лет назад просроченными патронами (новых за ненадобностью не закупают), и спросите у них, когда они его в последний раз брали с собой «в поле»? Ответы быстро развеют иллюзию о популярности этого комплекса в органах.

...Рассмотрев достоинства УДАРа и «Фиалки», г-н Климовский переходит к комплексу «Оса»: **«Разработаны они (видимо, «комплексы». –** *Д.К.*) **в двух модификациях: для гражданского и для служебного пользования».** Начнем с того, что никаких «комплексов» «Оса» в природе не существует: есть один многофункциональный комплекс оружия самообороны «Оса», в который входят несколько модификаций пистолетов и различные варианты снаряжения патронов (входящие в состав комплекса пистолеты для удобства также часто называют «Осой»). Если же г-н Климовский под «модификациями комплекса» имеет в виду «модификации пистолета», то он «слегка» обсчитался: с начала



Многофункциональный комплекс оружия самообороны «Оса»



Твой пистолет – символ вверенной тебе власти

серийного выпуска «Осы» на гражданский рынок поступали три модификации пистолета (ПБ-4, ПБ-4М и ПБ-4-1), не говоря уже о полицейских пистолетах ПБ-4-2, а также экспериментальных и перспективных (ПБ-2, «четвертое поколение» пистолетов ПБ-4) моделях. При этом «полицейский» пистолет ПБ-4-2 некорректно называть «служебным», как это делает г-н Климовский. В соответствии с действующим в России законодательством понятие «служебное оружие» имеет достаточно четкую трактовку и не совпадает с тем, что принято называть «табельным» оружием, то есть боевым оружием, используемым сотрудниками государственных военизированных организаций для решения оперативно-служебных задач. Пистолет ПБ-4-2 и его модификации позиционируются как оружие, предназначенное для государственных силовых структур, тогда как частные охранные предприятия давно и успешно используют в качестве служебного оружия «гражданские» модификации «Осы».

«Надо сказать, что публиковавшиеся характеристики «Осы» довольно сильно разнятся. Мы приводим характеристики комплексов, заимствованные нами из популярных отечественных оружейных журналов», – пишет г-н Климовский.

Господин «оружейник», вы живете в европейском государстве в XXI веке и жалуетесь на то, что вам не удается найти информацию по системе, которая находится на рынке уже седьмой год!

К слову, мне было бы весьма интересно взглянуть на тот «популярный журнал», в котором г-н Климовский почерпнул приведенные им характеристики патрона 18х45Т. Так, откуда взялась энергия пули в 120 Дж, хотя вот уже несколько лет максимальная дульная энергия пуль этого боеприпаса ограничена нормами Минздрава в 85 Дж? Откуда взялась масса пули в 12 г (вместо 11,6)? Что такое «стальной вкладыш» внутри резиновой пули и почему этот самый вкладыш в другом месте статьи назван все же «сердечником»? Почему «...применять патрон травматического действия целесообразно на расстоянии 1-1,5 м»? Если бы г-н Климовский хотя бы один раз реально пострелял из пистолета под патрон 18х45Т в тире, то он узнал бы, что, например, выполненный под этот патрон пистолет ПБ-4-1 на дистанции в 10 метров дает «кучу», которую можно накрыть чайным блюдечком. При этом из-за относительно большой массы пули ее снижение на траектории и потеря скорости на таких дистанциях минимальны. Иными словами, эффективная дальность применения патрона 18х45Т в несколько раз превосходит цифры, названные г-ном Климовским (к слову, «1метр» – это вообще минимальная дальность безопасного применения «Осы», рекомендованная производителем).

...Закончив с описанием ТТХ «Осы», г-н Климовский переходит к изложению своих мыслей относительно применения оружия самообороны простыми гражданами.

«Не пытаясь навязать читателям свою точку зрения, признаюсь, что многие мои коллеги-оружейники являются активными противниками распространения среди обычных граждан оружия травматического типа. Почему? Это средство способно причинить увечье. Например, выбить глаз, а это уже тяжкое телесное повреждение. А что будет, если в человека из «Осы» пальнут звездкой сигнального патрона? На сегодняшний день известно несколько случаев смертельного исхода применения «Осы». На одном из «круглых столов», организованных «МК», я имел возможность спросить у представителя разрешительных органов довольно высокого ранга, не является ли ошибкой то, что «Оса» допущена для широкого использования. Ответ был обескураживающий: «Знали бы вы, какие сюда вложены деньги!»

Фраза о том, что «Оса» может (страшно подумать!) выбить глаз, в устах «оружейника» звучит весьма пикантно. «Оса» – это оружие, и, хотя его создатели сделали все возможное для того, чтобы свести вероятность нанесения нападающему тяжкого телесного вреда к возможному минимуму, такая вероятность все равно существует. При этом действующее законодательство, регулирующее вопросы применения оружия гражданами РФ, не требует от обороняющегося минимизировать вред, наносимый здоровью нападающего, и не ограничивает степень этого вреда в тех случаях, когда со стороны нападающего существует реальная угроза применения насилия, опасного для жизни. Помните: речь идет о человеке, который готов совершить в отношении вас, ваших близких или других невинных людей ПРЕСТУПЛЕНИЕ! Стоят ли его выбитый глаз, сломанная рука или даже отобранная у него жизнь предотвращенного убийства или изнасилования? Здесь каждый решает сам, и лично у меня позиция, занятая г-ном Климовским по этому вопросу, вызывает просто-напросто недоумение, особенно в свете его собственной работы.

В соответствии со ст. 37 УК РФ вы вправе (а, по большому счету, в ряде случаев и просто обязаны) причинить здоровью нападающего ЛЮБОЙ вред, необходимый для того, чтобы остановить осуществляемое в отношении вас или других лиц общественно опасное посягательство, угрожающее жизни и здоровью.

...На текущий момент известно немало примеров того, как простой человек, применив в ситуации необходимой обороны на поражение имевшееся у него на законном основании гражданское оружие, в том числе и комплекс «Оса», вообще не подвергался какому-либо разбирательству, так как правомерность его действий не вызывала у представителей закона никаких вопросов. В частности, могу



«Стражник» – неплохое оружие

отметить пример моего товарища В., жителя Екатеринбурга, который за последние два года дважды успешно применял «Осу» для самозащиты. Оба раза в отношении его не возбуждались уголовные дела, а подстреленные им преступники оказывались за решеткой.

Пассаж относительно «огромных денег», вложенных в сертификацию «Осы», особо комментировать не хочется.

«Оба комплекса – «Оса» и «Стражник» – неплохое оружие, но только для тех, кто будет способен адекватно его применить. А такими являются обученные и тренированные сотрудники правоохранительных органов... Для обычных граждан гораздо безопаснее и предпочтительнее использование средств безвредных для здоровья человека – перцового аэрозольного средства самообороны «Шок» или пирожидкостных баллончиков БАМП ООС», – пишет г-н Климовский, вступая сам с собой в определенное противоречие. То есть, с одной стороны, гражданское оружие, если кому и давать, то только «силовикам». С другой, – как уже говорилось, да и им-то оно, по большому счету, не нужно, ибо «... без него спокойнее».

Выше я уже высказал свое мнение о тех чиновниках в погонах, которые снимают с себя свои служебные обязанности вместе с кителем в конце рабочего дня. Человек, стоящий на страже Закона, всегда должен быть в состоянии этот самый Закон защитить и иметь для этого соответствующие полномочия и возможности, включая оружие. Лично мне известно немало случаев того, как офицеры правоохранительных органов, не имеющие в силу чрезмерной «осторожности» их начальства возможности постоянно носить при себе табельное оружие, используют пистолеты «Оса», приобретаемые ими в частном порядке.

Вместе с тем мне, мягко говоря, непонятна убежденность г-на Климовского в том, что представители правоохранительных органов априори способны применять оружие самообороны «более адекватно», чем простые смертные. Мне неоднократно доводилось общаться со всевозможными силовиками на околооружейные темы, присутствовать на зачетных и учебных стрельбах, а также на стрелковых соревнованиях с их участием. Из личного опыта знаю о том, что само по себе удостоверение в кармане с прописанным в нем «правом на хранение и ношение» свидетельствует исключительно о наличии такого права, но никак не о способности конкретного индивида им эффективно воспользоваться. Среди «силовиков» есть как прекрасные стрелки, так и люди, абсолютно далекие от оружия и с трудом представляющие, что с ним вообще делать в реальной жизни. Точно так же, как и среди гражданских лиц можно найти и тех, кто не принимает оружие ни в какой форме, и истинных профессионалов стрельбы, способных на линии огня дать фору многим людям в погонах. Для того чтобы убедиться в справедливости моих слов, достаточно посетить любые более-менее крупные соревнования по практической стрельбе, а потом зайти в тир тогда, когда там будут стрелять сотрудники ОВО или ДПС. Я ни в коей мере не хочу принизить стрелковые навыки сотрудников правоохранительных органов. Все, что я хочу сказать, это то, что далеко не все они являются «обученными и тренированными» и соответственно далеко не все гражданские не являются таковыми.

Ну и, наконец, финальный пассаж статьи г-на Климовского, в котором он сетует на то, что после появления бронебойных патронов к «Осе» «криминальные элементы получат возможность владеть личным оружием посильнее ПМ». При этом как-то упускается из виду тот факт, что «Оса» под удлиненный спецпатрон 18x70 (а только в этом калибре выпускаются специальные боеприпасы к этому пистолету, такие как бронебойный и картечный) позиционируется производителем ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО как оружие сотрудников государственных силовых структур. При этом, насколько известно мне, в серийном варианте патроны к боевой «Осе» планируется сделать невзаимозаменяемыми с боеприпасами к гражданским пистолетам калибра 18x45. Что это означает? Очень просто: «криминальные элементы», которых так опасается г-н Климовский, физически не смогут законным образом получить такое оружие в свою собственность. Что же касается несанкционированного доступа к бронебойным патронам 18x70Б (хищение, приобретение у коррумпированных «силовиков»), то можно предположить, что коль скоро преступники получат такую возможность, то «Оса» – это далеко не самое опасное оружие, которое в этом случае может оказаться у них на руках.

Итак, что мы имеем в итоге? На мой взгляд, – статью, автор которой не только слабо представляет себе систему, о которой он пишет, но и вообще имеет весьма условные знания о современном оружии самообороны и о правовой базе, регулирующей его оборот. Подчеркну: речь идет об обсуждении оружия, несколько лет находящегося в серийном производстве...

Дмитрий Кочетков.



Достоинства УДАРа под вопросом?

Кожаные «вездеходы»:

цена изделия познается лишь в процессе эксплуатации…

Евгений РАССКАЗОВ

Фото из архива автора

Мы продолжаем разговор о полевой обуви. Рассмотрим модели, выполненные полностью из натуральной кожи. Они достойны особого внимания хотя бы потому, что наиболее пригодны для ношения в наших климатических условиях.



Полевая модель 006 («Ларгос», Республика Беларусь)

Эксплуатационные качества

Помимо повышенной стойкости к износу, кожаные ботинки имеют и прочие преимущества перед обувью из комбинированных материалов. Это прежде всего повышенная стойкость к водопроницаемости, теплоизоляция и лучшая фиксация голеностопа.

К особенностям таких ботинок относятся специально ориентированная фурнитура, «крутость» протектора и метод крепления верха обуви с подошвой, который влияет на «продолжительность жизни» изделия. На сроке носки сказываются и качество, и тип применяемой кожи, ее толщина и используемые пропитки.

Со слов производителей, подтвержденных тестами, более водостойкими являются ботинки из 2,0-2,2-мм кожи с защитной пропиткой, имеющие в конструкции «мембрану». К слову, мембранные материалы лишь дополняют наличные потребительские свойства ботинок.

Говоря о водостойкости, не забывайте и об уходе за обувью. Приобретая ее, обязательно уточняйте, какими обувными кремами или составами водостойкость поддерживается. Это важно, поскольку некоторые кремы забивают поры кожи, препятствуя «дыханию» обуви.

О способах крепления союзки и подошвы. Самый герметичный – способ прямого прилива, который отличен от других их соединением непосредственно в момент формования подошвы. Второй по значимости – рантоклеевой, с прошиванием подошвы и основной стельки на 360°. Замечу, что основная стелька здесь является «дном» союзки. Следующий – клеепрошивной (или бортопрошивной) способ соединения. Один из «крайних» – клеевой способ крепления.

О прямом приливе

Характерным представителем данного способа является полевая модель 006 («Ларгос», Республика Беларусь). Она отличается от аналогов тем, что сшита из гладкой хромовой кожи (2,0мм), а ее колодка создана для армии.

А все дело в том, что 006 – хорошая копия «combat boots» от «G.I.». Производитель пошел проверенной дорогой и предложил свой вариант, отвечающий условиям работы профессионалов безопасности. Но в силу особенностей технологии – не дешевый.

Самым существенным минусом модели, на мой взгляд, является применение подошвы с плоской рабочей поверхностью и «пальцевым» протектором. Такой протектор неэффективен вне дорог и травмоопасен в гололед и морозы. Причина – плоская опорная поверхность и вдавленные в подошву грунтозацепы. Второй минус – глухой клапан зашит лишь до половины высоты ботинка, из-за чего при долгой или интенсивной ходьбе клапан заваливается на сторону. Это ведет к образованию потертостей и нарушению герметичности.

К сожалению, 006 – пока единственная модель, выполненная с прямым приливом.

Рантоклеевой метод

Ныне существует две разновидности этого практичного способа крепления. Первая – рантоклеевой метод с прошивкой на 360°, крепления верха обуви к подошве по всему периметру обуви. Производителей, предлагающих такие модели, – единицы.

Вторая – рантоклеевой метод с прошивкой на 270° крепления верха обуви к подошве от каблука и до каблука с креплением пяточной части верха обуви к подошве 7-9 гвоздями. Здесь производителей достаточно.

Но профессионалы предпочитают первую разновидность из-за его 100% надежности. Этот же метод – технология «Goodyear» с прошивкой на 360°.

Главная особенность рантоклеевой обуви, созданной таким образом, в наличии стельки с Т-образной губой по всему периметру следа и кругового кожаного ранта. Этот же метод в силу особенностей сборки обеспечивает надежность крепления деталей низа и предотвращает отрыв подошвы от верха обуви.

Сегодня полевые ботинки, собранные таким образом, предлагает лишь торговая марка «Гарсинг». Модельный ряд компании, созданный по этой технологии, невелик, и наиболее интересными в нем являются М.22, М.56, М.77 и М.78. Причем у каждой из них есть своя «изюминка».

Действительно, внедорожные версии!

Так М.22 «Professional» – хорошее повторение полевой обуви бундесвера. Чем же они хороши? Тем что для М.22 «Professional» была создана удобная колодка, более широкая в носочной части со свободным подъемом. По своему опыту отмечу – эти ботинки не всегда надо разнашивать. «Мгновенному» комфорту способствует и хорошее качество хромовой кожи. К плюсам М.22 «Professional» отношу практичную 2,2-мм тисненую кожу верха обуви, подкладку из текстильного вентилирующего материала типа «Cambrelle» и версии внедорожного протектора.



Модель М.22 «Professional» («Гарсинг», Москва)

Предлагаемые версии протектора, по итогам тестов, полностью отвечают тонкостям полевой работы.

К зарекомендовавшим себя действительно внедорожным версиям протектора отношу обычный уже протектор типа «Panama» и самоочищающиеся новинки – протекторы типа «Panama-2», «Military» и «Viking».

К плюсам модели относятся и высокие, 25-см берцы и витые капроновые шнурки в 150 см длиной. Кстати, это единственный в России случай, когда предлагаются шнурки нужной длины. Ее оценят те, кто умеет правильно шнуровать ботинки. К достоинствам можно отнести и оксидированные петли креплений системы быстрой шнуровки, и подпоролоненную боковую защиту, элементы которой размещены в районе щиколоток, а также увеличенный мягкий кант по верху берец.

К «изюминкам» относятся и размещенные в районе подъема крючки (2 шт.) – элементы системы быстрой шнуровки.

Вообще же, массовое применение производителями открытых П-образных крючков как фурнитуры для быстрой шнуровки снижает, на мой взгляд, потребительские свойства ботинок. Более того, повышает их травмоопасность, поскольку возможно случайное зацепление крючками за шнурки соседнего ботинка, за стропы парашюта или другие подобные предметы. Последствия нетрудно представить.

Если говорить о стоимости, то эта модель пригодна для любого бюджета.

Полная герметичность...

Другая интересная модель – кожаные ботинки М.56 «Mountain». В ее облике заметно влияние на производителей ботинок серии «Маттерхорн» (США). Но в отличие от Р167(В) («Элитспецобувь», Санкт-Петербург), копирующих оригинал, авторы из «Гарсинг» лишь взяли прототип за основу.

Отличия М.56 отчетливо видны в колодке. Здесь более широкая и наполненная носочная часть и чуть более удобный подъем. Со слов авторов, это сделано с учетом ортопедических особенностей «русских» ног. И все это влияет на внешний вид.

Эти отличия, говорю исходя из своего опыта, очень выгодны для носителей с широкой стопой. Кстати, удобный оригинал «Маттерхорн» после ношения М.56 «Mountain» кажется более аскетичным – особенно в области пальцев. Но это личные ощущения.

Другими отличиями М.56 «Mountain», кроме гладкой 2,2-мм хромовой кожи верха и высоких 27-см берец, являются: подошва с ярко выраженным каблуком, мягкий глухой клапан, зашитый до верха берец, подкладка из текстильного «Cambrelle», нужного для вентиляции внутреннего объема, а также крепление верхней части ботинка и подошвы, выполненное по технологии «Goodyear».

Особенность этой технологии в прочности соединения и в его герметичности, которая достигнута, помимо использования качественной кожи с защитными пропитками, еще и водостойкой сборкой верха ботинка с основной стелькой.

Замечу, что даже ботинки «Англия» («Сплав», Москва) с их гвоздевым креплением пятки выполняются с прошиванием ранта на 270° (от каблука до каблука) периметра и с креплением задника на 9 гвоздях. На этих ботинках 270° подошвы фиксируются рантоклеевым способом.

Похожий прием используется и на другой профессиональной модели Р167(В) («Элитспецобувь», Санкт-Петербург). К плюсам Р167(В), которые также вторят решениям марки «Маттерхорн», относятся 26-см берцы, мягкий кант и оригинальная маслобензостойкая подошва «Vibram» (знак (В). Добавляя сюда же оригинальный протектор «Panama» и слоеный «сандвич» каблука, снижающий вертикальные нагрузки, а также систему стабилизации стопы, состоящую из задника, подноска, системы быстрой шнуровки и стабилизирующих элементов, – получим удобный профессиональный ботинок.

Но, говоря об этих элементах, замечу, что подносок и задник, выполненные из формованной кожи, при долгом ношении во влажном состоянии могут деформироваться. По итогам полевых тестов на некоторых парах Р167(В) через 4-5 недель произошло деформирование задника, что говорит о его недостаточной жесткости и влагостойкости. Для большего комфорта рекомендуется менять стандартную вкладную стельку, выполненную из

кожкартона. Для этого подходят анатомические стельки или их аналоги, приобретаемые в обувных киосках.

В целом данная модель, как и М.56 «Mountain», также является одним из достижений отечественной полевой обуви. Этому способствует и ее более чем приемлемая цена.

Для групп поиска и «спецов»...

Заметным событием стало появление модели М.78 «Zip». Со слов авторов, она изначально создана для групп поиска и спасания ВВС и отрядов быстрого реагирования органов правопорядка.

Кстати, М.78 «Zip» в числе прочих заслужила положительную оценку у зарубежных групп ПС и ПДС ВВС, испытывавших ее вместе с тест-командой «Выдра».

Характерной особенностью является, во-первых, наличие двух боковых «молний», превращающих ботинок в обычный сапог. По опыту носки в течение 6 месяцев можно сказать, что шнуровка здесь нужна лишь для подгонки ботинка по ноге. Боковые же «молнии» отвечают за скорое надевание или сброс обуви. Вторая особенность – в наличии у «молний» внутренних клапанов, защищающих внутренний объем от воды (песка), а также предохраняющих брюки от «закусывания» замками «молний».

Оба клапана зашиты до верха берец и выполнены из тонкой кожи, идущей и на подкладку. Это также отличает М.78 «Zip» от схожих с ней ботинок «Aviator» М.706. Последние выполняются с одной «молнией» и предлагаются с клапанами, зашитыми до половины высоты берец. А также с бортопрошивным (270°) соединением верха обуви и подошвы.

К плюсам М.78 относятся и прочная 2,0-мм хромовая кожа, и удобная колодка, расширенная впереди, и малые наружные клапаны. Последние размещены вверху берец и закрывают замки «молний».

Уделено внимание и преодолению брода. Но здесь, как и на некоторых других моделях от «Гарсинг», глубина брода чуть меньше высоты самого ботинка из-за особенностей глухого клапана.

Русская версия

Внешне схожую модель предлагает и «Элитспецобувь» – Р100(В). В ее основе лежат конструктивные решения десантных ботинок «Коркоран-2» (США).

Говоря об их русской версии, замечу, что здесь соблюдены все конструктивные тонкости и особенности внешнего вида прототипа. Как и на нем, применены хромовая кожа, анатомический крой берец, удобная колодка, полимерные подносок и задник, оксидированная фурнитура системы шнуровки и оригинальная подошва «Vibram», а также встроенная система стабилизации стопы.

Но в ходе опытной носки, проходившей в течение 6 месяцев, выявились и недоработки. Это, во-первых, легкая и тонкая вкладная стелька (тонкая кожа с пористым полимером), нуждающаяся в срочной замене. Во-вторых, «скрипучая» при ходьбе подошва – иногда в паре скрипит лишь один ботинок. Из практики замечено и подтверждено специалистами, что скрип вызывает неодинаковое качество соединения слоев (пористой и кожеподобной резины) подошвы. Невооруженным глазом это заметить невозможно. Это же влияет и на локальную водопроницаемость. В-третьих, глубину брода ограничивает и зашитый на 8 см ниже среза 27-см берец глухой клапан.

Справедливости ради скажу, что «скрипучие» бутсы попадаются нечасто. Из испытанных 10 пар «скрипучими» были лишь две, причем три ботинка из четырех.

О водостойкости. Даже при низком пришивании глухого клапана, но при плотном шнуровании и заправленных брюках вода не проходит внутрь. Водостойкости «русских коркоранов» способствуют применение рантоклеевого способа соединения верха и подошвы, а также использование кожи с водостойкими пропитками.

Кстати, тисненая кожа Р100(В) отличает текстурой «русскую» версию от прототипа, выполняемого только из гладкой кожи. Но, со слов производителя, это специально делается для уменьшения стоимости обуви.

К чести производителя это единственное внешнее отличие от «Коркоран-2».

Схожи с описанными и ботинки 502 (ХСН, г. Чебоксары), также собираемые с применением клеепрошивного способа крепления. Эта модель является распространенной дешевой версией кожаной обуви для поля. Здесь буквально все, включая и способ соединения, подчинено максимальному снижению цены ботинок порой в ущерб потребительским качествам. Но кому-то нужны и такие...

Говоря о «демократичных» моделях, обратите внимание и на М.106 «Stranger» от того же «Гарсинг». Собранные с использованием клеевого способа крепления ботинки имеют много общего с классическими «combat boots». Причем как по применяемой колодке от «G.I. boots», так и по общему набору профессиональных элементов.

Например, в системе быстрой шнуровки применена комбинация металлических петель, размещенных в верхней части берец, с металлическими люверсами, расположенными в районе стопы.

И еще здесь впервые на нашем рынке применен самоочищающийся протектор «Viking» – русский аналог «Panama-2».

Автор благодарит тест-команду «Выдра» за консультации и выражает благодарность торговым маркам «ГАРСИНГ» и «ARMYTEX.RU» за предоставленные фотоматериалы.


Модель М.78 «Zip» («Гарсинг», Москва)

Немецкие штурмовые винтовки – прорыв в будущее

Сергей МОНЕТЧИКОВ
Фото автора



В годы Второй мировой войны одно из основных мест в системе автоматического оружия пехоты вермахта заняли автоматы (по западной классификации – штурмовые винтовки), обладавшие высокими боевыми качествами. Сразу же после своего появления они стали объектом пристального внимания военных специалистов. Новые германские штурмовые винтовки (автоматы) показали себя высокоэффективным оружием. Однако в боевые подразделения они стали поставляться слишком поздно, чтобы оказать существенное влияние на ход войны.

«Тип автомата-карабина весом 4–4,5 кг со штыком... открывает собой новую эпоху в развитии индивидуального стрелкового оружия».

В. Федоров, родоначальник русской школы автоматического оружия.

«Облегчить успех своей пехоты...»

Еще боевые действия Первой мировой войны подтвердили предположения о том, что мощность применяемых винтовочных патронов избыточна для индивидуального стрелкового оружия, но только в Германии из этого сделали соответствующие выводы. Во время позиционных сражений основной огневой бой велся на глубину менее 400 м, поэтому наиболее уязвимым был первый эшелон наступавших частей, особенно когда он приближался к траншеям противника, заливавшего подступы пулеметным огнем. Стало очевидно, что эффективность стрельбы штатными винтовочными патронами 7,92x57 снизилась и возникла необходимость создания новых патронов.

После окончания Первой мировой войны инспекция пехоты управления сухопутных войск рейхсвера определила основные требования для будущей штурмовой винтовки. Управление вооружения рейхсвера (HWaA) одобрило и материально поддержало некоторые научно-исследовательские работы, проводившиеся в 1920-х гг. по созданию патронов среднего калибра, которые должны были стать основой для создания нового оружия.

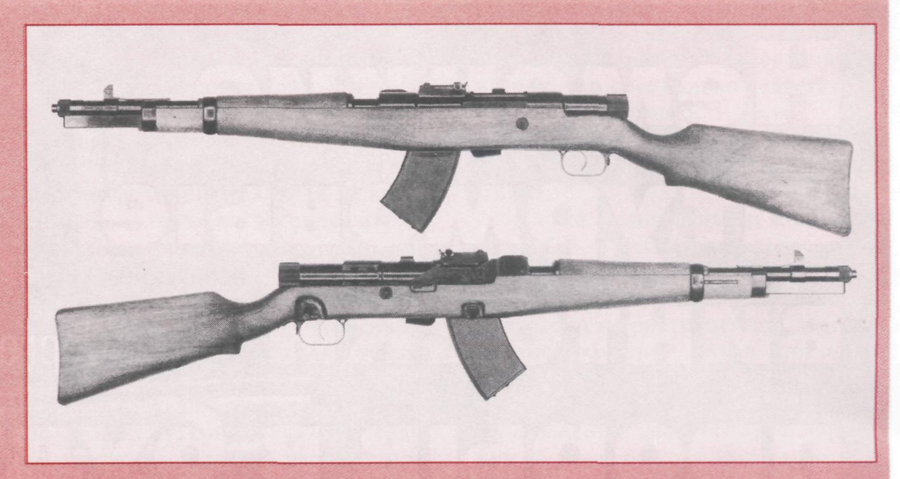
Уже в 1927 г. КБ патронного завода в г. Любеке, принадлежавшего фирме «Berliner-Karlsruher Industriewerke» (BKIW), приступило к проектированию 7-мм укороченного патрона. Была создана удачная конструкция «промежуточного» 7-мм патрона DWM 581 с длиной гильзы 39 мм, в целях маскировки получившего обозначение «Bergmann-patrone». Однако из-за отсутствия единых официальных взглядов на оружие и патрон к нему, нехватки бюджетных средств эти работы не дали ощутимых результатов.

С приходом в 1933 г. к власти нацистов в Германии приступили к активному перевооружению армии. Одной из задач создания качественно новых вооруженных

сил, готовых к широкомасштабным наступательным действиям, являлось их оснащение оружием, более совершенным, чем у потенциальных противников Германии. В германской печати тех лет прямо указывалось, что «...именно от пехоты зависит успех боя. Боевую деятельность всех других родов войск необходимо регулировать таким образом, чтобы сделать возможным и облегчить успех своей пехоты». Немцы связывали это с максимальным насыщением пехоты новейшими образцами автоматического оружия, пригодными для ведения наступательного боя: едиными пулеметами, самозарядными и автоматическими винтовками, пистолетами-пулеметами. Немаловажное место в этих планах отводилось созданию компактного автоматического оружия с выбором вида огня. Одними из важнейших задач, стоявших перед конструкторами оружия и боеприпасов, являлись возможность их производства на универсальном станочном оборудовании и широкое использование недефицитных материалов.

Первый образец

Одновременно с BKIW к разработке перспективной программы по созданию «промежуточных» патронов подключились и другие оружейные фирмы. Ведущий инженер концерна Rheinmetall-Borsig Фриц Герлах сконструировал 7-мм патрон с бутылочной гильзой длиной 36,5 мм. Вскоре в борьбу за выгодный заказ, обещавший многомиллионные прибыли, вступают еще два крупнейших германских предприятия по производству боеприпасов: Gustaw Genschow und Co A.G. (GECO) и Rheinische – Westfallische Sprengstoff werke (RWS). Первоначально эти фирмы пытались переделать спортивные образцы патронов с фланцевыми гильзами 8x46 R и 8,15x46 R. Вскоре фирма RWS представила еще один патрон 7x46. Их гильзы были переконструированы в бесфланцевые – сначала с длиной 46 мм, а затем 40 мм под остроконечную пулю массой 4,9 г.



7,75-мм автоматический карабин «Фолльмер M.35/III»

По результатам проведенных работ HWaA решило подписать контракт на развитие этой программы с фирмой GECO, добившейся наиболее удовлетворительных результатов в своих опытах. В тридцатые годы она широко экспериментировала с «промежуточными» патронами калибров 7; 7,2; 7,35; 7,62; 7,75; 7,92 мм, с длиной гильзы от 37 до 46 мм и массой пуль 4,9 – 9,72 г.

В июне 1935 г. владелец оружейной фирмы в Бибербахе, конструктор-оружейник Генрих Фолльмер (Heinrich Vollmer) представил в HWaA первый образец немецкого автоматического карабина M.35/I, рассчитанного на использование «промежуточного» патрона. Отправной точкой его создания послужил, по свидетельству руководителя фирмы GECO Рункенбаума, короткий патрон GECO 7,75x39,5 мм с массой остроконечной пули около 9 г и ее начальной скоростью 695 м/с.

Автоматика этого карабина работала по принципу отвода пороховых газов через надульное устройство из канала ствола. Запирание осуществлялось поворотом затвора. Спусковой механизм допускал ведение автоматического и одиночного огня. Флажок переводчика-предохранителя был смонтирован с правой стороны ствольной коробки. Ложа карабинного типа. Прицел открытый, секторного типа. Емкость секторного магазина коробчатого типа – 20 патронов. Темп стрельбы – 1.000 выстр/мин. При общей длине 960 мм карабин Фолльмера весил 4,25 кг.



Войсковые испытания 7,92-мм автоматического карабина Mkb.42(H). Июнь, 1942 г.

Побеждают... консерваторы!

Первые серьезные испытания автоматического карабина Фолльмера M.35/I проходили на полигоне в Куммерсдорфе под Берлином уже в декабре того же года. На них

выявились многочисленные недостатки нового оружия. Фолльмер попытался их устранить в новой модели М.35/II. Второй усовершенствованный вариант автоматического карабина был собран в 1937 году. В общей сложности из него было выполнено 13.700 выстрелов.

В 1938 г. Фолльмер представил третий вариант своего автоматического карабина М.35/III, переделанный под новый патрон фирмы GECO калибра 7 мм. С помощью введения пневматического демпфера в затворе удалось добиться снижения темпа стрельбы до приемлемого уровня в 350 – 400 выстр/мин. Кроме того, были внесены и другие изменения. Так, за счет уменьшения габаритов масса снизилась на 500 г, также упростились обслуживание и эксплуатация карабина. Однако результаты последних испытаний, проводившихся на опытном артиллерийском полигоне в Куммерсдорфе, вновь не увенчались успехом.

В конечном итоге целая цепь неудач привела к тому, что 30 августа 1939 г. HWaA официально уведомило Фолльмера о прекращении работ над его автоматическим карабином, а заказы на разработку подобного оружия и боеприпасов были переданы другим фирмам.

Неудачи нового оружия объяснялись как чересчур сложными конструкциями их систем, так и недоработкой самих патронов. Значительные финансовые расходы, понесенные при этом, дали формальные основания консервативной части руководства вермахта потребовать прекращения всех работ над оружием под «промежуточный» патрон. На этот раз они доказывали, что штатный винтовочный патрон должен быть единым, а не делиться на стандартный и «промежуточный», и вполне обоснованно полагали, что новый патрон неизбежно повлечет за собой перевод на иной калибр не только винтовок, но и пулеметов – основного средства поддержки пехоты на поле боя. Такие действия накануне войны считались нецелесообразными. Политическое руководство нацистского государства поддерживало эту позицию, учитывая, что представленные образцы патронов калибров 7 и 7,75 мм в случае принятия одного из них на вооружение принесли бы с собой колоссальные проблемы промышленности по производству стрелкового оружия и боеприпасов.

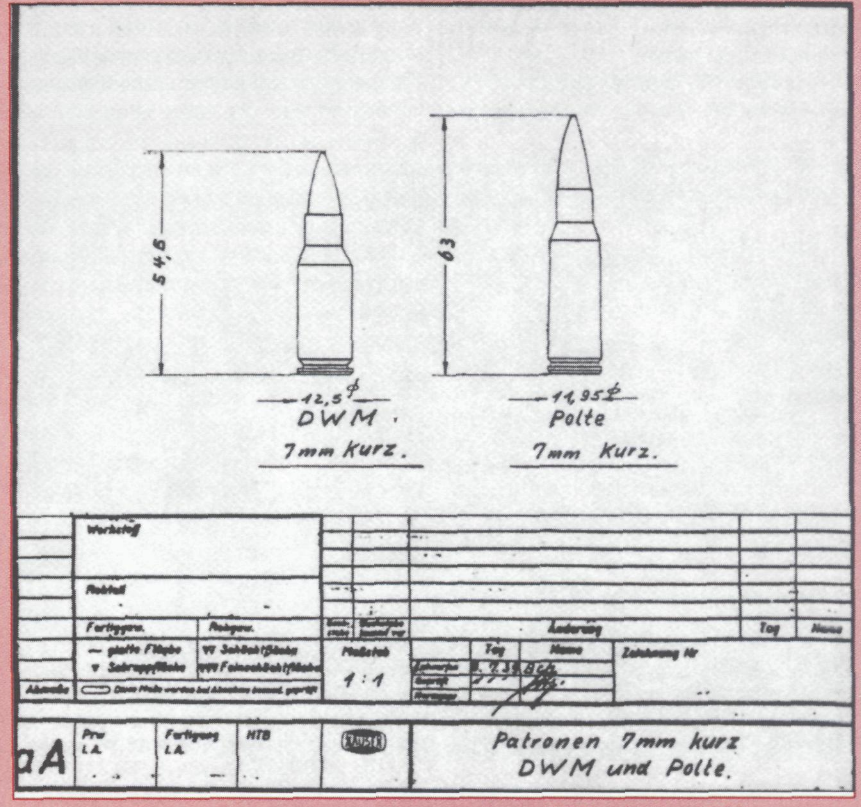
Все великие дела делаются «втихаря»...

После неудачной демонстрации нового оружия небольшая группа офицеров из Wa Pruf 2 (подразделение HwaA) решила проводить все работы по созданию нового комплекса «оружие + промежуточный патрон» тайно. Поэтому для сохранения программы разработки нового пехотного оружия HWaA пересмотрело некоторые исходные пункты ТТЗ, Wa Pruf 2 составило уточненные требования. Главным в них являлось сохранение в оружии нормального винтовочного калибра 7,92 мм, что позволило бы использовать для его производства имеющееся в наличии промышленное оборудование.

К 1938 г. сложилась концепция программы легкого автоматического стрелкового оружия с переводчиком вида огня (одиночного и автоматического). Оно должно было заменить пистолет-пулемет, магазинную винтовку и частично ручной пулемет, чтобы иметь в армии только две системы стрелкового оружия – автомат и единый пулемет для выполнения всех функций (вместо прежних трех).

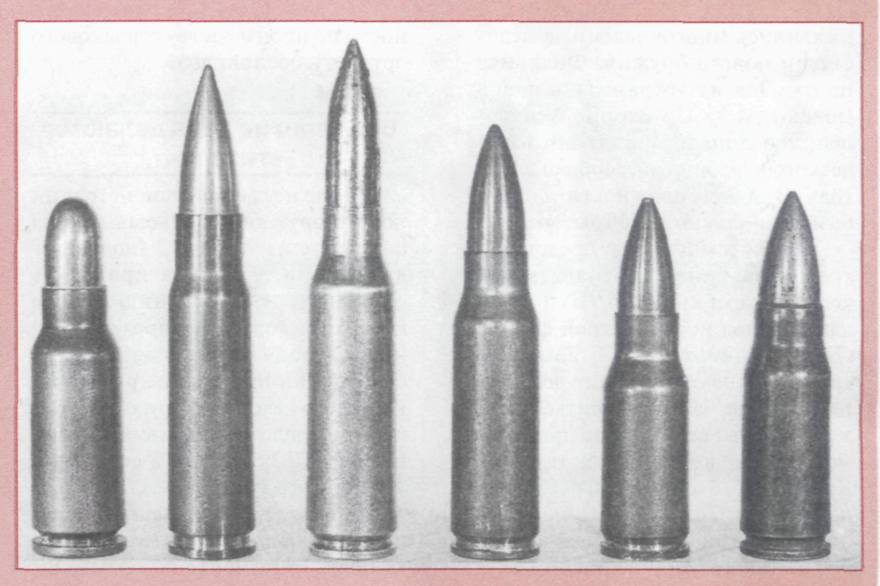
Целый ряд неудач заставил HWaA обратить свое внимание на патронную фирму «Polte Armaturen und Maschinenfabrik A.G.» в Магдебурге, где в 1938 г. в инициативном порядке был создан проект 7,92-мм «короткого» патрона. Ранее она не занималась подобными разработками, поэтому у нее полностью отсутствовала теоретическая база. Однако очень выгодный заказ на боеприпасы для вермахта обещал принести большие дивиденды, поэтому за основу при конструировании нового «промежуточного» патрона был взят винтовочный патрон 7,92x57, массовое производство которого было налажено на этой фирме.

Результатом подписания контракта фирмы с вермахтом стало проведение широкомасштабных НИОКР в 1938–1941 гг. над «7,92-мм пехотным коротким патроном». Из-за срочности выполнения заказа создание нового боеприпаса было поручено экспериментальному цеху фирмы «Polte». Гильза нового патрона была создана методом механического



Чертеж 7-мм «промежуточных» патронов фирм DWM и «Polte». 1939 г.

укорочения штатной винтовочной гильзы. Первоначально ее длина составляла 35 мм, а впоследствии – 33 мм. Был подобран оптимальный пороховой заряд, который позволял пуле массой 3,7 г развивать достаточно высокую начальную скорость, что сделало применение патрона в автоматическом оружии более эффективным, чем 9х19 мм пистолетного патрона «парабеллум» 08. Напряженная работа закончилось в начале 1941 г. созданием 7,92-мм «промежуточного» патрона с длиной гильзы 33 мм, массой пули 8,2 г с начальной скоростью 694 м/с. Первоначально конструкция пули состояла из свинцового сердечника, свинцовой рубашки и плакированной железной оболочки. Однако вскоре из экономических соображений свинцовый сердечник был заменен стальным.



Германские «промежуточные» («короткие») патроны (слева направо): 7,5х35 мм, швейцарский; 7,9х45 мм «polte»; 7х45 мм «polte»; 7,75х39 мм «genschow»; 7,92х30 мм «polte (43 m. E.)»

Требования к новому оружию

Наработанный опыт, учитывавший как последние достижения научной мысли, так и успехи в производстве сложных изделий точного машиностроения, привел к разработке достаточно жестких и точных ТТЗ, установленных HWaA для нового оружия. Управление выдвинуло следующие требования к проектированию:

- простота конструкции;
- *масса, подобная штатному* карабину «Маузер» K98k или меньшая;
- длина значительно короче, чем у карабина «Маузер» K98k;
- точность стрельбы и баллистика, аналогичные карабину «Маузер» K98k на дистанциях до 600 метров;
- все механизмы подвижной системы автоматики должны иметь надежную защиту от пыли и грязи;
- *оружие должно иметь воз*можность ведения стрельбы с плеча, причем эффективной должна быть не только прицельная стрельба одиночным огнем на дистанциях до 400 м, но и стрельба короткими и длинными очередями на эти же дальности;
- сохранение убойной силы пули на дальностях не менее 600 м;
- темп стрельбы должен быть не более 350–400 выстр/мин и допускать корректировку при ведении автоматического огня;
- надежность работы подвижных деталей автоматики как при низких, так и высоких температурах (в условиях пустыни).

К созданию принципиально нового образца автоматического пехотного оружия были привлечены лучшие конструкторские силы Германии. 18 апреля 1938 г. научно-исследовательское бюро 2-го отдела по испытанию и проектированию технических средств стрелкового оружия HWaA подписало контракт на разработку автоматического карабина с владельцем зульской оружейной фирмы «C.G. Haenel Waffenfabrik», известным немецким оружейником Хуго Шмайссером.

Новое оружие получило официальное обозначение «Schwere Maschinen-pistole» (тяжелый пистолет-пулемет), дабы отличать его от стандартных пистолетов-пулеметов MP («Maschinen-pistole»)...

(Окончание следует)



7,92-мм автоматический карабин Mkb.42(H) в частях вермахта на Восточном фронте. Весна, 1943 г.